

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

Ладислав Клима
(при участии Франца Бёлера)

ПУТЕШЕСТВИЕ
СЛЕПОГО ЗМЕЯ ЗА ПРАВДОЙ

перевод с немецкого Анны Глазовой

Kolonna Publications

ББК 84.4 Нем
ISBN 978-5-98144-120-2

Ladislav Klima

Der Gang der blinden Schlange zur Wahrheit

Благодарим профессора Йозефа Зумра за предоставленные рукописи, по которой был выполнен перевод этой книги

Nakladatelstvi děkuje za odbornou pomoc panu PhDr. Josefu Zumrovi.

Предисловие: Александр Бобраков-Тимошкин
Редактор: Дмитрий Волчек
Руководство изданием: Дмитрий Боченков
Верстка: Анастасия Моисеева
Обложка: Алексей Кропин

© Анна Глазова, перевод, 2009
© Kolonna Publications, 2009

Осенью 1917 года, когда на холмах и равнинах мировой битвы решалась судьба Европы, а профессор Масарик призывал чехословацких легионеров на бой против великогерманской теократии, чешский философ Ладислав Клима, несколько лет прошедший в нищете, получил работу управляющего пражской фабрикой под гордым названием Tabak-Erzatz-Manufaktur.

По счастливому стечению обстоятельств, владельцем фабрики по производству курева из листьев клубники и бука был его друг и единомышленник, подданный Германского рейха Франц Бёлер – профессией химик, душой поэт.

Итогом непродолжительного, но плодотворного сотрудничества стали не только полное разорение фабрики (производство «принесло где-то 500 крейцеров, сожравши при этом 20000» – признается Клима в «Собственном жизнеописании») и батареи опустошенных бутылок спиртного, но и феерический роман «Путешествие слепого Змея за правдой», сочинению которого компаньоны посвящали свободные минуты.

Для Ладислава Климы – мыслителя, отринувшего всю чешскую философскую традицию, – не был помехой культурный «апартеид», отделявший друг от друга пражских чешских и немецкоязычных авторов начала XX века. Язык Гёте и Ницше, которым Клима владел блестяще, в разгар мировой войны как нельзя лучше подходил для документации милитаристских идей муравьиного короля и философских измышлений слепого Змея – и Клима создал свою сагу *по-немецки*. Справедливости ради отметим, что несколько абзацев в тексте (как и неустановленное число идей и сюжетных ходов) принадлежат Бёлеру. Однако нет сомнений, что ведущим духом повествования был Клима: и в немецкоязычном произведении он остается верен главным особенностям своей поэтики, полвека спустя вдохновившей целое поколение чешского литературного андеграунда.

К моменту написания «Змея» основной корпус литературных текстов Климы был уже создан – по большей части в 1906-1909 гг. Сага о трудных поисках слепого Змея, таким образом – в каком-то смысле и «итоговая» книга Климы: в ней, пусть и в гротескно-преображенном виде, слышны отголоски мотивов, занимавших автора прежде. Клима вновь предстает прежде всего как философ и «использует каждый случай продемонстрировать обрывки своих миропредставлений», выводя в «Змее» свои идеи об абсурдной смехотворности видимого

мира на новый уровень – используя самоиронию. Будучи органической частью авторской философии, черный юмор превращается из литературного приема в бытийную основу текста: в чешской литературе нет недостатка на мастеров создать смешное из безобразного (вспомним того же Гашека), но по степени умения создать гротеск *par excellence* Климе, пожалуй, равных нет. А учитывая историю работы над романом, можно предположить, что мало кто из авторов мировой литературы получал от создания текста такое физическое удовольствие, как Клима с Бёлером.

Исследователь творчества Климы Йозеф Зумр говорит о возможности «постмодернистской» интерпретации романа – не только по отношению к его структуре и композиции («этот роман от начала до конца только дразнится»), но и к глубинной идее недостижимости, абсурдности и множественности «правды». Но можно прочесть «Змея» и как блестящую политическую сатиру – и даже как антиутопию. Борьба за власть в «дражайшей, беднейшей, прекрасной, священной» Вшивляндии, приобретенная весьма кровавый характер (трупов в романе поболее, чем в среднестатистическом боевике), завершается тоталитарным манифестом муравьиного короля – и все это столь живо и реалистично, что трудно удержаться от искушения порассуждать об «актуальности» этой муравьино-человеческой комедии. Нехитрый вроде бы прием описания «жизни насекомых» бьет здесь точно в цель: если спроецировать планетарную борьбу «Скотиний» и «Тупляндий» на театры военных действий уже не «муравейства», а человечества, – становится даже жутко.

История публикации «Змея» сложна, как и его путь за правдой, и необычна даже для книг Климы, только явное меньшинство которых было напечатано при жизни автора. Долгое время считалось, что соавторы создали лишь одну главу – первую, которая и была опубликована в чешском переводе в 1948 году, и заново – в культовом климовском сборнике времен чешской «оттепели» «Секунды вечности» (1967). Перевод делался с машинописной копии, найденной в архиве Климы. Однако в 1990-е, при работе над изданием полного собрания сочинений писателя, чудом была обнаружена рукопись – на листах бумаги с фирменным штампом фабрики – состоящая из 5 глав и написанного Климой фрагмента вероятного продолжения романа. Первый полный чешский перевод увидел свет только в 2002 году – и теперь за ним следует перевод русский.

Александр Бобраков-Тимошкин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В пустынном небе сияет, словно свинцовая монета, разъярённое солнце и освещает прерию у реки Замбези. Прерию пересекает узкая тропка, по которой марширует вооружённая до зубов армия чёрных муравьёв.

Вдруг первые ряды сбиваются, раздаётся испуганный крик, и вот уже вся армия отступает в полном смятении.

– Стоять, стоять! – ревёт фельдмаршал, боязливо пятясь. – Где ваш героизм, жалкие букашки?!

Но всё без толку.

– Что происходит? – бормочет он, увлекаемый потоком отступающих солдат.

– Ваше превосходительство, огромный Змей лежит поперёк дороги и загораживает проход!

Фельдмаршал с лицом белее сахарной пудры отдаёт приказ как можно скорее и тише отступить на несколько километров.

Приказ исполняют, Змей же тем временем лежит смиренно. На общем военном совете решают послать к нему парламентёра. Парламентёр на подгибающихся от страха ногах возвращается к Змею. Тот лежит всё так же неподвижно и на том же месте, перегородив дорогу телом высотой с башню. Несчастный пустился бы в бегство, не будь ему утешением мысль, что Змей, должно быть, сдох.

– Ваша честь, – зовёт он тихонько, – позволите ли вашему слуге с нижайшим поклоном задать вам вопрос?

– Что вам угодно, мой господин? – устало отвечает Змей. Его вежливость и усталость придают парламентёру дерзости.

– Убирайся с дороги, каналья, и смотри у меня, поживее! – кричит он во всю глотку.

– Как же я буду смотреть, я же слепой! – стонет Змей.

– Люди ходят не глазами, а ногами, глупое животное! Последний раз повторяю: прочь с дороги!

– Как же я двинусь с места, если голод и жажда истощили меня и лишили сил?

– А мне какое дело? Грязная свинья! Кто ты вообще такой, признавайся, и не вздумай врать, а то военный трибунал быстро вынесет тебе приговор!

– Кто я? О, я был бы благодарен, если бы не я, а вы сами мне это рассказали. Кажется, сам Бог не знает ответа на этот вопрос. Одно знаю точно: я живу, чтобы найти свинцовый медяк благодатного индейца Рацапи. Я долго искал эту монету, пока Мерлин не сказал мне, что я обрету её только тогда, когда в моей собственности окажется бивагинальный слизистый мешок. Тогда я стал искать слизистый мешок, искал долго, но безнадежно – пока одна учёная крыса не объяснила мне, что для этого мне сначала надо повстречаться с синим псом, прозреть его кишки насквозь и раскрыть секрет. Но как же, даже если я его увижу, узнать, что он синий, ведь я слеп! Мне пообещали, что свет вернётся в мои глаза, когда я обрету искомое, но как – ведь я не вижу? О, проклятый замкнутый круг! О я, трижды несчастный! Порой я сомневаюсь даже в собственном здравом рассудке!

Крупные слёзы покатались из его несчастных глаз, и в отчаянии он скрутился змей.

– У твоей истории на лбу написано, что это наглая ложь! – прокричал ничуть не тронутый муравьишка. – Убирайся с дороги, а не то тебя пронзят тысячи наших мечей и ты падёшь на землю замертво!

– Нет, не так! – раздался тонкий и дрожащий, но очевидно привыкший приказывать голос. Это был голос Его Величества муравьиного короля; в начале нашего рассказа его, вусмерть пьяного, несли на щитах солдаты в арьергарде, но в общем страхе и смущении дымка опьянения рассеялась, и он осмелился пойти в сопровождении нескольких солдат вслед за парламентёром, чтобы осмотреть Змея. – Нет, не так. Я приказываю, чтобы этому заслуженному Змею сейчас же принесли еду и питьё, если

только он согласится со всеми подробностями рассказать мне, королю всех королев, историю свинцового медяка, бивагинального слизистого мешка и синего пса!

Под чёрными рёбрами короля билось гуманное сердечко. Иногда он делал добрые дела – хоть и только когда имел от них выгоду; он был милостив, памятуя, что милосердие – опора трона. К тому же, лежать в густой тени травинки и слушать сказку слепого Змея казалось ему куда привлекательней, чем маршировать под раскалённым солнцем. Он не чуждался муз и насаждал искусства в своём государстве – хоть и только в том случае, если они воспевали его персону. Однако, несмотря на эти черты характера, он не вёл бы войн, не будь он жаден до наживы, славы и разорения.

– О славный король! – с воодушевлением воскликнул Змей. – Если ты спасёшь мне жизнь, напоив меня и накормив, я не только расскажу тебе сказку о свинцовом медяке, то есть о свинцовой монете, о бивагинальном слизистом мешке и синем псе, я отдам все силы, чтобы служить тебе!

– Принесите этому замечательному господину кроликов или другого мяса и кружку воды из моря Замбези, а в доказательство нашей благосклонности мы щедро сдобрим воду ромом! – Отдав этот приказ, король устало поник в тени незабудки.

С восхищением он окинул взглядом Змея, лежавшего в двух метрах перед ним, шесть метров длиной и приблизительно тридцать сантиметров толщиной. Сам же король был полсантиметра длиной и неполные два миллиметра высотой. Если читатель представит себе, что в двухстах шагах перед ним лежит ливерная колбаса, возвышаясь на сто пятьдесят метров к небу и простираясь на три километра вдаль, он получит представление о том, что ощущал король, глядя на Змея.

Между тем, в крошечном умишке правителя зашевелилась некая неясная идея, спровоцированная последними словами чудища. Очень-очень медленно эта идея приняла чёткую, словно кристалл, форму и выкарабкалась на свет, как цыплёнок из скорлупы – пусть медленно, но

верно. Хоть муравей и был король, но всё же не совсем безмозглый.

Наконец, он вскочил на ноги и закричал на всю округу, а подданные внимали ему с благоговением:

– Я превращу этого Змея в орудие моих будущих войн, в моё новое, всё разрушающее оружие возмездия!

И, ослеплённый величием этой идеи и, сверх того, предчувствием собственного грядущего величия, он снова упал на землю. «Да, – подумалось ему, – если чудовище согласится мне служить, я несомненно раздавлю любую вражескую армию, не успеешь и глазом моргнуть. Достаточно этому необъятному чудовищу неспешно проползти поверх вражеских рядов – не выживет ни души! И Змею не страшны наши устрашающие укусы, с его-то толстой, твердокаменной кожей. Вот только, – и тут он побледнел, – только он ведь может ополчиться на моё же собственное войско... Но он не посмеет послушаться меня, Меня! А потом, святое провидение! он же слепой! Да, он же не видит, какие мы крошечные, мы ему солжём, что мы невероятной величины. Он не может нас и пощупать, у него ведь нет пальцев! А ещё мы ему распишем во всех красках, какая у нас есть ужасная, неизведанная боевая техника, и он всему поверит! Ах, какой я гений! Я нашёл новое оружие, неслыханное, с иголки, страшное средство уничтожения! Такие открытия вершат судьбами народов. Вспомним фалангу Эпаминонда, благодаря которой тупые фиванцы добились гегемонии, а Александр – вообще мирового господства! Или боевых слонов и львов! Или стены из повозок Яна Жижки! Не говоря уж об изобретении Бертольда Шварца. Но всё это сущие пустяки в сравнении с моим озарением. Целая Эйфелева башня, громящая вражеские войска – да нет же! В десять раз огромнее и мощнее этот Змей, а при том живой! И слепой! Слепое орудие моего возмездия! Я стану Александром Македонским, повелителем мира, и только повелитель на небесах сможет сравниться со мной величием».

Он посмотрел по сторонам. С северо-запада, на расстоянии около ста метров, текла великая река Замбези;

что лежало за ней, его близорукие муравьиные глазки не видели, поэтому он считал эту реку океаном, за которым был, как он думал, только край света. Восточнее и южнее, в четверти километра, тянулась череда термитников, высотой семь или восемь метров, так что муравьиному царю эти возвышения казались Гималаями. Там, по муравьиному мнению, земля касалась неба, и там же кончался мир.

Между термитниками и морем Замбези простиралась равнина, поросшая травой, над которой возвышалось всего двадцать муравейников, пятнадцать – высотой от сорока до шестидесяти сантиметров, а остальные – от метра до полутора.

– Все эти бескрайние просторы, весь этот orbis terrarum¹ будет принадлежать мне, мне! – пробормотал Его Величество, опьянённый славой, величием, ромом. – Все эти царства будут пресмыкаться, попранные моей могущественной ступнёй! Их войска будут мои войска, их жёны – мои наложницы, неистощимые запасы в их амбарах, их дойные коровы, их яйца, всё моё! Я закабалу их благороднейшую знать! И не только мелкие княжества чёрных муравьёв, но и большую пятёрку гигантских жёлтых злодеев, о завоевании которых я раньше не смел и мечтать, чьи императоры смотрят на меня свысока, как английский монарх на какого-нибудь дагомейского князька – ха! – а я возьму и раздавлю их, и их проклятые тираны будут лизать мне зад, пока я не казню их самым жестоким образом... Я, я превыше всего, превыше всего на свете, я, муравьиный Александр!

Его экзальтация стремилась выплеснуться каким-нибудь энергичным поступком.

– Свяжите парламентёра, собаку! – вдруг воскликнул он. – За то, что он непочтительно обошёл с возвышенным Змеем, приказываю четвертовать его вместе с жёнами, детьми и родителями, а также рабами, дойными коровами и вообще всеми, кто имел с ним какие-либо сношения в этом году!

¹Земная сфера (лат.)

Несчастливого рыдающего парламентаря схватили и уволокли. В ту же минуту солдаты поднесли царю двух живых кроликов и полную кружку. Но об этом – в следующей главе.

* * *

Милый, глупый читатель, не смейся над муравьиным Александром, а подумай: Александра Македонского, Наполеона и т.д. часто называют повелителями мира, ты ведь и сам, должно быть, их нередко так величаешь, повторяя за другими. Что есть мир? Совокупность всего сущего. Так называемая «вселенная», возможно – всего лишь ничтожная часть мира: пространство ведь можно с лёгкостью вычесть из бытия. Наша планета не более чем молекула во «вселенной». Но даже нашу молекулу ни один из этих завоевателей не смог захватить полностью, а только маленькую её часть. Но что я пустословлю? Разве они повелевали ветрами, вулканами, погодой, мухами, птицами, бактериями в своих империях? Да нет же, всего парой жалких миллионов людишек! Что за смысл в моих бредовых размышлениях? Некоторые приказы великих властителей исполняются, пусть и неохотно, но в остальном каждый действует почти исключительно по своей воле. Более того: всякий человек императорского круга, в свою очередь, отчасти повелевает повелителем. Тщательно подобранное словцо любого холопа способно на многие часы испортить настроение повелителю, его жизнь зависит от случайных движений души цирюльника, да что там – любая такса своим лаем, любой укус клопа вынуждают угнетателей принимать меры, а ведь им это так же неважно, как рабам принудительные работы. Кроме всего прочего, неопровержимо верно и доподлинно известно то, что «повелители» – безнадёжнейшие рабы народов, которыми повелевают, точно так же, как верно и то, что железные дороги ездят по людям, а не наоборот.

И ещё, о любезный читатель, изрядно набравшийся ума из этих высокодуховных излияний, не забывай, что человеческое величие – будь то заоблачная возвышенность чувств или безобразная низость – ничего не стоит в скептических глазах слепого Змея!

Потому что крайняя степень опьянения равняется трезвости, высшая подвижность – абсолютному покою, а власть всемогущего повелителя – лаю собачонки, который сокрушает деяния мирового духа пуце легиона попов, разъедающих волю собственного господа. Повелитель был, есть и будет всего-навсего игрушкой в руках смиренных поданных.

Так что не удивляйся, читатель, что при виде супруги самодержец и повелитель черношеих муравьёв оказался внезапно вырван из сладких дрём о мировом господстве.

В юные годы Его Величество изволили возвысить её в сан Госпожи Супруги за особые вертикальные способности – самое возвышенное искусство любви муравьиного народа – несмотря на уже тогда заметную язвительность характера. И, как нередко случается, со временем её любвеобильные добродетели, к сожалению, деградировали настолько же, насколько развилась желчность. К тому же, она не ела мяса, и за ней ходили хвостом двое исповедников (это не говоря уже о её непозволительном неприятии алкоголя).

– Слышу запах рома! Почему ты не явился к обедне? И что с этим чудовищем? – обрушился на него поток слов. – Фи, кто тут ест трупы животных? Гадко смотреть, как война огрубляет человека!

Она громко хмыкнула и отвернулась. Его Величество уж было вздохнул с облегчением, но она снова повернулась и спросила:

– Так что с этим Змеем?

Король растерянно улыбнулся и пробормотал:

– Этот Змей... этот Змей... ну да, Змей и есть...

– Да я и так вижу, что это не тля капустная, дурак ты эдакий, – съязвила Её Величество, – рассказывай сию минуточку...

Тут Змей поднял голову и кротко промолвил:

– О славная владычица! О том, кто я, написано кровью девственницы в книге семи мудрецов Офира. Я влачу существование с самого начала мира, а чего я хочу, вам расскажет лишь неуч и прохвост Клима, который будет писать следующую главу этой книжки!¹

* * *

– Пардон, – поправился Змей, – Бёлер мог бы и сам рассказать, чего я хочу, кабы был в своём уме. А именно – хочу есть и выпить!

– Это уже настоящий сумасшедший дом! – возопила королева. – Что за Бёлер? Что за прохвост? И какая такая глава? Это что, всего лишь роман, а я – всего-навсего персонаж в нём?

Она схватилась за голову и словно окаменела.

– Ух! Какой меня объял ужас. Мне вдруг примстилось, что я и всё вокруг действительно только роман, пустые выдумки и что вообще всё существование не более чем иллюзия, пустота, ничто, ничто! Господи, прости мне грешные мысли! Но это всё глупости.

Ты, спившийся разбойник с этим своим Змеем, ты пытаешься меня надуть?! Фуй, фуй! Но погоди, я тебе задам дома! Дома ждут скалка и сапожный рожок, ты понял? Пусть тебе прислуживают твои тупые вояки, мне ты не приказ! Я запрещаю тебе любой контакт с этим поганым Змеем, с гнусным Бёлером и с синим сучьим прохвостом! Постыдился бы, помазанец божий, вечно ты крутишься с голодранцами – писателишками, комедиантами, философами кислых щей – только не с благочестивыми угодниками божьими, только не с твоей милой супругой, евнух ты эдакий, кастрат, скопец!

И всё ещё изрыгая ярость, она ушла восвояси.

Король выдохнул. Цвет медленно вернулся в его посиневшие губы. Когда мегера отошла на безопасное расстояние, он вполголоса обратился к солдатам:

¹Здесь и далее курсивом выделены фрагменты, написанные Францем Бёлером.

– Не сомневаюсь, дорогие поданные, что эта сцена несказанно возвысила меня в ваших глазах. Настоящий мужчина всегда галантен и снисходителен к слабому полу, он сносит ругань, да что там – побои, и не оскорбляет своей супруги ни словечком в ответ. Я всегда обращался нежно с этой вонючей старой каргой, и никогда не забуду своей рыцарской чести и всегда буду говорить только хорошие слова об этой дряхлой ебливой гадине!

– Наш король светлее всех звёзд вселенной! – возопили солдаты. Но король вдруг вздрогнул всем телом. Он знал по опыту, что многочисленные шпионы Её Величества передадут ей сегодня же случайно вырвавшуюся у него брань – и его воображение отказалось рисовать картины возмездия...

Душераздирающий стон Змея вырвал его из размышлений.

– Всё изменилось! – воскликнул он. – С таким союзником мне ли бояться сапожного рожка этой языкастой коротышки? В крайнем случае, скажу Змею раздавить её сегодня же вечером!

Он повернулся к кружке с водой, чтобы сдобрить её ромом, как обещал. В два литра воды он налил пол-литра рома, бормоча себе под нос:

– Евнух, скопец... Прежде чем хоронить мою мужскую честь, примите во внимание, мадам: спичку, даже если она высшего сорта, не воспламенить об истёртый коробок, и даже самый меткий стрелок промажет, если винтовка крива, а уж если я откажусь есть на обед дерьмо, то кто назовёт меня плохим едоком? Позвольте при всём уважении заметить, Ваше Величество, что между вами и собственно дерьмом разница совсем невелика. Вы бы вполне могли привлечь мужчину, кабы ваши прелести могли сравниться с вашей мерзостью. Вы вот приписываете мне импотенцию, но ведь и плевательница, дыркой кверху, пройди я мимо неё без интереса, с тем же успехом могла бы заявить: 'Этот мужчина, конечно же, импотент, как иначе понять, что он в моём присутствии не онанирует?' Да, Ваше Величество, я честно и откровенно говорю вам прямо в глаза, по мне так тля

капустная симпатичней, чем ваша августейшая вонь! Клянусь Дионисием! Чтоб от одной маленькой самочки столько вони! Саму-то простым глазом не заметишь, а вони, как от гнилой поганки в укромном углу! Если величественность заключается в способности вонять, то вы уж точно королева королев! Все способности покинули вас с возрастом, одна только вот эта специальная способность осталась вам присуща, у вас настоящий талант вонять! Творожистый слой толщиной в руку покрывает панцирем цвета самой невинности ваши три близко посаженные дыры, панцирем, которого не пробить даже тому, кто не испытывает и тени отвращения...

К счастью, деморализованный монарх, наконец, кончил готовить смесь для Змея. Одним глотком он осушил флягу рома, которая всегда покоилась у него в кармане, и ему тут же поднесли новую. Дерзкая мысль посетила его: а что, если он сам задаст корм своему дракону?! Но ему не хватало отваги, он медлил... И тут снова раздался стон, такой жалостливый, такой молящий, что король тут же решился. «Чего ж бояться умирающей твари», – сказал он себе, взял под мышку кроликов и кружку и отправился в устрашающее путешествие. При виде такого мужества вся его рать замерла в изумлении и восхищении, словно превратившись в мраморные статуи. Да и как же иначе!

Остановившись на расстоянии пальца у пасти питона, повелитель заговорил властным голосом:

– Я принёс тебе угощение и питьё, господин фон Змей (я предполагаю, что ты благородного происхождения, а иначе я бы с тобой вообще не стал терять время). Но сначала торжественно поклянись поступить ко мне на службу и беспрекословно подчиняться мне во всём!

– Торжественно клянусь, – выдохнул Змей. – Разве может диктовать условия тот, кто стоит на пороге смерти?

– Хорошо, господин фон Змей! – обрадовался сверх всякой меры самодержец. – Значит, ты обещаешь оставить в стороне свои бесполезные идеалистические мечтания о свинцовом медяке, бивагинальном слизистом

мешке и синем псе и будешь стремиться единственно к тому, чтобы быть достойным членом муравьиного общества под моим мудрым руководством?

– Нет уж, такого я обещать не могу! – внезапно вскричал Змей громовым голосом. – Отказаться от того, что составляет для меня самую суть бытия? *Propter vitam vivendi perdere causas?*¹ Нет и ещё раз нет! Ты думаешь, моё существование в слепоте так уж много для меня значит? Ха! Тысячу раз я бы попрал ногами эту дерьмовую жизнь, кабы белая звезда в далёких небесных сферах моих душевных недр не давала мне магических знаков и не приказывала мне в самый чёрный час моего существования: **ОСТАВАЙСЯ В ЖИВЫХ**, а иначе ты никогда не достигнешь меня и не достигнешь бога! Я готов оставить в стороне всё, но только не это. Мне не в чем себя упрекнуть, я всегда был полон стремления и упования и готов спокойно умереть, если мне суждено потерять надежду на достижение моей цели. Да – я был бы даже рад, окажись у меня повод сбросить своё тяжкое бремя. И если ты будешь настаивать на своём условии, о король, то это и будет достаточным поводом. Что ж! Не давай мне ничего, и я с ликованием встречу час, когда вознесусь из этой земной ночи в райское сияние и открою свои возрождённые глаза перед лицом синего пса, бивагинального слизистого мешка и свинцового медяка, и настанет конец моим поискам!

Македонский словно оглох. «Немного перестарался, – подумал он. – Надо сделать уступки. Пойти на компромисс». Он задумался, и вскоре – восторг придал его душе прежде неведомую силу! – он нашёл правильное решение. «Мне же не навсегда нужен этот Змей! – сказал он себе. – Всего несколько месяцев, и я завоюю всю землю, и пускай потом отправляется ко всем чертям гоняться за своим синим псом. Кроме того, мне было бы не по себе его жуткой компании». Он снова обратился к Змею.

– Bravo, господин фон Змей! Я только хотел испытать твою верность идеалам, и ты блестяще выдержал экзамен. Ты – живое подтверждение слов нашего

¹ Ради жизни утратить смысл жизни (*лат.*)

великого Гёте, который сказал: «благородный человек и в тёмных устремлениях всегда держится праведного пути». О ясновидящий слепец, о слепой ясновидящий! Я прошу тебя об одном: один год послужи мне верой и правдой. Согласен?

– С радостью. Многими путями приходится в этой жизни покупать стремление к экстравагантным идеалам, но предпочтительнее всего – путём потери времени.

– Хорошо же! Тебе вменяется в обязанность ходить на прогулки по определённым маршрутам, которые я буду тебе подробно описывать. Договорились?

– Да, но зачем прогулки?

– Мой взгляд эстета будет наслаждаться твоими прелестными извивами. За это ты будешь ежедневно получать кролика, обезьянку или белочку и воду пополам с ромом, искать пропитание тебе не потребуется – прямая выгода для слепого господина, не так ли? Доволен?

– Очень, очень!

– Слушай дальше! На протяжении этого года мои войска будут искать для тебя синего пса и то, что к нему прилагается. Возможно, им повезёт больше, чем тебе, о слепой господин. Как тебе это нравится?

– О, бесконечно, великолепно, король! – вскричал Змей с воодушевлением, и слёзы благодарности хлынули из его глаз, так что король почти захлебнулся в их потоках. Но почти тотчас же его лицо омрачилось.

– Но что толку? Как же я смогу узреть его кишки и раскрыть секрет?..

– Ничего не бойся, мой отважный Змей! Знаешь, какие чудеса в решающий момент свершит с тобою Всевышний? Кишки Господа неисповедимы, лабиринт лабиринтов, храм бытия! Кроме того, неужто только глазами возможно прозреть? А как же «second sight», а как же третий глаз и солнечное сплетение, а ещё по одной известной доктрине можно видеть вообще через жопу. Более того, видеть можно мысленным взором, и на самом деле только так и можно видеть: чистые мысли это единственно реальные предметы, а духовная энергия единственный свет, внешний же мир

лишь жалкое подобие настоящего, духовного мира. Увидеть насквозь можно только мысленным взором, тогда как глаз лишь шарит по поверхности. Эти мистерии наглядным образом представлены уже в физиологической истине, а именно, в том, что за зрение на самом деле отвечают специальные разделы головного мозга. Они видят, а глаз-аппарат – всего лишь канал, по которому импульсы проходят в мозг и стимулируют созидательный зрительный акт. Но ведь эти импульсы могут найти и другие каналы, могут зародиться непосредственно внутри мозга! Глаза – дрянь, верь мне, и особенно прими во внимание: то, что глазам и их брату во лжи, осязанию, кажется маленьким, в реальности не всегда действительно мало, далеко не всегда, господин фон Змей!

– Как же ты чудовищно мудр, о король! Ведь мне тоже приходили в голову подобные мысли! – вскричал Змей в восторге перед собственными способностями. – Но дай же мне скорее еду и питьё, а то я умру прежде, чем питательные соки проникнут в моё тело!

– Да уж я и сам знаю, я знаю, что – что – что я хотел сказать? А, ну да: что я мудр, конечно, – ответил Его Величество. Выпитый ром начал действовать, теперь уже отупляя, хотя только что прибавил ему мудрости.

– Ну и что ты теперь думаешь, господин фон Говядина, т.е. Змей, я хотел сказать, да в общем без разницы, почему я такой мудрый? Потому что я взял в плен дух святой и ношу его в кармане штанин, вот глянь сюда, дух свят – хе-хе – ну да что ты там увидишь, ты, свинская морда! Тебе ж залепили зенки дерьмом. Нда, и что я ещё хотел тебе сказать: мне одухотворение без надобности, я сам себе могу устроить такое одухотворение, такую, нда, спиритуализацию, прямо в желудок, что хе-хе.

– Неужто это правда, что ты заточил дух святой в собственный карман? Непросто поверить в твои слова! – возразил Змей, который до сей поры не знал, что такое алкоголь. – Но если ты дашь мне пропитание...

– Цыц, говнючка, когда говорит король! Король всех королей – а ты, господин фон Свин – я – о, я вспомнил, что

хотел тебе сказать. Ты, небось, думаешь, тупая твоя башка, что мы ничтожные, как вши, но тут-то и видно, что ты тупее болванки. Мои подданные – чудо среди муравьёв, огромные, как кролики, да что кролики – как бараны! Ну, положим, не такие большие, как ты, но ты не представляешь, как мы сильны и как свирепы в бою. Мы играючи можем прокусить броню любого крейсера. Ты наверняка уже когда-нибудь читал о том, как выносливы муравьи и насекомые вообще. Если б у человека было столько сил, как у божьей коровки, он бы мог унести собственный двухэтажный дом на спине; если б его ноги были как у блохи, перепрыгнул бы через Монблан; а муравей размером с человека оказался б мощней паровоза. А знаешь ещё, что такое муравей? Муравей это чудо природы, вот что! Ты слышал высказывание Дарвина о том, что молекула муравьиного мозга есть самый расчудесный из всех продуктов природы, не исключая и человеческих мозгов? Или словечко Уоллеса о том, что муравьи – тигры мира насекомых, нет, куда ужаснее тигров! Ничто живое не может противостоять определённым видам муравьёв; львы, жирафы, кабаны, люди, даже пауки спасаются бегством при их виде, а иначе их ждёт люта погибель. И притом речь идёт о *Formica Communis*, так я их окрестил, а не о муравьях ростом с барана, ерунда! – ростом с корову! И не думай, что я себе противоречу, грязная ты скотина, и учти, что – что – одним словом, можешь поцеловать меня в... – Нет, стой! Сначала выпей!

Слегка покачиваясь, но всё же вполне царственным жестом Македонский протянул Змею свою милость. Тот жадно припал к кружке и осушил её в несколько глотков. Прошла минута. Вдруг всё его истощённое тело свела судорога, и он воскликнул в экзальтации:

– Никогда в жизни я не пил воды отвратительнее, чем эта! Это моча огненного дракона? Или яд? О, дай мне скорее чем-нибудь заесть эту гадость, чтобы меня вырвало и я не умер.

– А теперь ты получишь желанную добычу – двух прекрасных, живых, а не дохлых кроликов! А то ещё Бёлер возьмёт и решит, что я выискал себе стервятника в

друзья. В таком случае, он ещё пожалеет, когда будет покупать на кресте этот *crimen laesae majestatis*¹.

И собственными руками он вложил дрожащего зверька в распахнутую пасть. Змей тотчас же его проглотил, и король влил ему в горло ещё одну порцию рома. Пришла очередь второго кролика. В середине змеино-го брюха образовалась огромная шишка.

Тяжко и хрипло задышал левиафан, но душа его стала чиста и прозрачна, в особенности когда алкоголь начал действовать. Он почувствовал, что смертельная опасность миновала, снова героически встал на ноги, и в его глазах загорелась искра той отваги, которая рано или поздно побеждает тупое сопротивление окружающего мира. Он поднял голову, и впервые вся неизмеримая громадина его туловища двинулась вперёд с несказанным раскатистым грохотом, очень медленно, но для муравьиного зрения – быстрее самого современного поезда-экспресса.

Король в испуге отскочил в сторону: перед самым его носом катилась живая гора. Отяжелевший от рома монарх пустился в бегство.

Но Змей уже утихомирился, и король тяжело осел наземь. «Отныне и впредь настрого запрещаю тебе двигаться без моего разрешения!» – прохрипел он.

– Очень трудновыполнимое условие, Ваше Величество! – бойко ответил Змей, хотя у него уже слегка заплетался язык. – Если ты будешь настаивать, о повелитель муравьёв размером с корову, мы можем сейчас же распрощаться, траляля, траляля, труляля.

– Это так ты держишь своё слово, обманщик? – возопил король. – Ну-ка, возьми назад свои слова, а иначе челюсти моих воинов расщепят тебя на атомы!

– Ваше Величество, малыш, – спокойно ответил Змей, – я не отрицаю, что муравьиный народ отличается выдающимися умственными способностями, но прими во внимание, что и Змей отнюдь не символ глупости. Я знаю, что даже голиафы среди вас – не больше спичечной головки, об этом я сужу по вашему голосу, и опыта мне не занимать!

¹Государственная измена (*лат.*)

– Это фатальная ошибка! – простонал уничтоженный король. – Это правда, что у нас относительно тихий голос, но только в этом отношении нас обделила природа-мачеха. Подумай, что и Бисмарк, гунн и телом, и духом, обладал тихим, тонким, смехотворным, почти девичьим голоском.

– И тем не менее, его голос был посильней муравьиного, хоть он и не был величиной с корову! Траляля.

– Но если я не больше спичечной головки, то как же я собственными силами приволок тебе двух крупных кроликов и пятилитровую кружку, а?

– Это потому, что мы живём в стране Абсурдии, плетём, сочиняем и выдумываем, и не только здесь, как мне кажется, а повсеместно! Но играем в открытую, мой остроумный малыш Александр! Я догадался, что ты хочешь использовать меня для достижения мирового господства, и я готов служить тебе за еду и питьё, но только при условии, что ты будешь обращаться со мной как следует, не свысока, а хотя бы на равных. Я понимаю, что одно неосторожное движение – и я раздавлю всю твою армию, поэтому принимаю твоё условие касательно свободы передвижения, но не тон, в котором ты со мной разговариваешь. Как тебе такое предложение: я буду держаться на расстоянии пятидесяти муравьиных километров от твоего царства, там я смогу двигаться, как захочу. Когда у тебя будет надобность во мне, твоём орудии уничтожения, просто подай мне сигнал из человеческой трубы. Если ты нашёл пятилитровую кружку, то уж и трубу как-нибудь разыщешь. Не успеешь и глазом моргнуть, я окажусь с тобой рядом, и ползти буду только по твоим инструкциям. Договорились, великий король?

– Хмм, в твоих словах есть мудрость, господин фон Змей, хоть я по-прежнему абсолютно не согласен с твоей оценкой моих размеров... Но на первое время я готов согласиться, хорошо, хорошо, – проговорил он уже почти сквозь сон. – Остальное обсудим завтра. А теперь – я такая свинья, когда напьюсь – расскажи-ка мне сказку об этом твоём – как его там – бивагинальном – синем – свинцовом

медяке, чтоб мне лучше спалось – ты, свинья – пардон, граф фон Свинья – когда я пьян, я уж такая свинья...

– Vandrovali dráteníci, vod Trenčína po silnici!¹ – вместо того чтобы рассказывать, запел Змей.

– Дурак! Рассказывай – это приказ – король королей приказывает – о свинцовом медяке – что это вообще за чушь такая – как он может быть свинцовый, если он медный, тупица ты этакий?

– Что? Ха-ха-ха! В том-то и суть этой великой загадки, величество! Изначально он назывался просто свинцовой монетой индейца Рацапи. Я искал её сотню, три сотни, три тысячи лет – всё без толку! Известно, что ничто не доводит до иступления так, как долгий, безрезультатный поиск, даже если речь идёт о пуговице от сорочки, и ничто так не сводит с ума, как чудовищная ярость. И вот случилось, что однажды, когда я корчился в бешеной ярости, повторяя сквозь рыдания: о, трижды проклятая свинцовая монета! – я вдруг вместо этого прокричал: «этот проклятый свинцовый медяк!!!» И словно таинственное успокоение спустилось на меня в эту минуту, некое содрогание, предчувствие, что нечто огромное и громогласное двинулось ко мне, сделало первый шаг... Потом, разумеется, пришло отрезвление и смех, но в этом смехе звучал возвышенный звон божественных мечей. А позже свинцовый медяк сам оказывался у меня на языке, волей-неволей повторял я эти слова, только и думал о них, как одержимый, Змей превратился в свинцовый медяк, а свинцовый медяк – в Змея. Я очень долго думал о значении этой вещи, и, наконец, сказал себе: «Цель и смысл твоей жизни заключается в том, чтобы найти свинцовую монету. В глубине души ты знаешь, что живёшь ради самого возвышенного на свете. Но даже если самые великие истины выбиты на этой монете, может ли стать, чтобы эта монета и была самой возвышенной возвышенностью? Нет, не может!» Конкретный объект, доступный восприятию органами

¹ Странствовали драченики по дороге от Тренчина (чеш.; драченики – бродячие ремесленники, ремонтировавшие керамику, скрепляя её проволокой).

чувств, не может быть возвышен, и жалок и низок любой опыт, почерпнутый из чтения... Ха! Три тысячи лет искал я, слепой – и слепой не только на оба глаза! – истину в просторах мира явлений, в 'эмпирической реальности', в науке, в материализме, монизме, пантеизме, всё одно дерьмо! – вместо того, чтобы искать истину в собственной душе, в скользких изворотах абстрактного мышления и глубочайшей святине сердца.

В ту секунду, когда меня охватила мистическая дрожь, мне впервые забрезжил свет в бесконечной ночи блужданий. Но – правда ли? Возможно ли, что 'свинцовый медяк' указывает на Великий День? Или это *contradictio in adjecto*¹ sive² нонсенс; а я ищу истину: но может ли заключаться истина в нонсенсе? Отвага снова покинула меня... Но – но – но что я хотел сказать? Я так отупел – ах, да, теперь надо поговорить о бивагинальном слизистом мешке. Но как? Мои мысли даются мне с таким большим трудом, но почему-то и с лёгкостью! Впервые все мысли загадочно переливаются нежными оттенками, целомудренные искушения извиваются, словно прекрасные змеиные девушки в сопровождении убийственно сладостных облачков аромата из синих подземных гротов, где они спали зачарованным сном с самой первой минуты моей жизни. В ласковые моря красоты окунулось всеединство мира и вращается во мне, до бесконечности лаская с разных сторон, обнимая, сливаясь в одно, растекаясь на ручейки. Кровь поёт, танцуют мысли, в ужасном жаре они повисли, и как в кошмаре, тут же сгорают в солнечном шаре – чёрт дери, сукин сын! – как рифмы скачут, меня дурачат, щекочут гортань, тьфу, поэзия, отстань! Стихи – бабский бред, мне только во вред!

И не только рифмы, но и звуки со всех сторон набросились на меня, живые мелодии-звери в мощной упряжи сложнейших гармоний, окружили, обступили со всех сторон, удушая – куда бежать от этого мерзкого переполнения красотой? Шёпот ветра, перепалка

¹Противоречие по сути (*лат.*)

² Или (*лат.*)

цветов и трав, моё шипение, громыхание военных машин, мычание коров – всё это складывается, теперь я знаю, в общую симфонию, ни в чём не уступающую музыке Вагнера, Штрауса, Бёлера, и теперь я понимаю, что сочинять обычную музыку – не большая хитрость. Ведь музыка во всём, во всём, не только в звуках, но и в красках и запахах, зверях и идеях. И всё есть музыка, и бог тоже не что иное как музыка.

И вдруг – тишина! Внезапно куда-то исчезла, как призрак, всеобъемлющая мелодия. Лишь тонкий ручеёк звуков доносится из бездны, несказанно сладостный, нежный и тонкий, словно фея. Каждый звук – прекрасное видение, стайка розовых Ариэлей, они выныривают из туманных глубин, танцуют, обнимаются и целуются, страстно растворяясь друг в друге. Вокруг них расцветают райские ландшафты: сказочные деревья, алмазные вершины на горизонте, увитые золотыми змеями пещер; огромное, не ослепительное, но улыбающееся всем и вся солнце между розовых облачков, танцующих и ласковых, пристойно совокупающихся друг с дружкой, – о, понимаю – это душеньки призрачных звуков, они умерли на земле, а теперь продолжают свою игру в небе, в вечности и бесконечности... О, эта красота, я вижу её – да! я и вправду её *вижу*! Слепой Змей прозреет, как и предсказал мне мой король, мой малыш, когда я выпил мочу огненного дракона!

Так отчётливо, так ясно я вижу всё вокруг – и это не плод моего воображения! – нет, не так: это плод моего воображения, фантазм, но такой, что он превращается в действительность. Предметы чувственного восприятия – это всего лишь особенно сильно развитая фантазия, а фантазия, в свою очередь – лишь слабые, туманные предметы чувств, зародыш предметов. Наглядный мир возникает из движения духа. Слепой Змей всегда был зряч! В нём дремала потенция, разворачивающаяся лепестками волшебной розы Космоса! Его глаза потухли только для того, чтобы его дух героическим усилием отвернулся от влияний внешнего мира и сверлил глубины мира идей, но из тьмы этого мира сегодня родится

новая вселенная, и воссияет ярче звезды Сириус, как свет солнца ярче света луны...

Что, неужто мир прозрения уже расплывается перед глазами? О нет, остановись! Или нет – сгинь! И превратись снова в мир, до краёв наполненный слухом, вернись в музыку, в твоё сокровенное божественное ядро! Всё расплывается, расплывается, свет ярче и ярче, невыносимая яркость, вывернутые кишки солнца, всеобъемлющий, аморфный, страстный, убийственный свет, святой, сверхсвятой, невыразимый, вечный – светобог, всесвет... И в этом сиянии лежит ядро бытия, его разгадка... Но ведь я сказал, почувствовал, узнал, что вселенское ядро – музыка, и только музыка?! Где же истина? Ах! Истинно и одно, и другое, даже если это противоречие, ведь мир – это свинцовый медяк!

До сей поры опьянение действовало на Змея умудряюще, как прежде на короля. Но тот уже давно уснул, и свита унесла его на руках подальше, где, на расстоянии пяти километров от ужасного левиафана, в сердце армии его нетерпеливо ожидала супруга и её объятия...

Тем временем солнце уже касалось лучами моря Замбези, и последний бледный багрянец скользил по бронзовой змеиной чешуе.

– Почему Клима не стал писать дальше, и к чему подталкивает меня моя опьянённая душа? – предавался раздумьям Змей. Но вдруг молниеносная мысль пронзила его мозг. – Действительно ли вселенская музыка является ядром бытия? Ха! Что я слышу в причитаниях светлой звезды в глубине моей души? Ни музыка, ни свет не сравнятся с несравнимым – с вином! Это и есть разгадка! Только сегодня я познал истину! Три тысячи лет я ползал по этой тупой фривольной планете, и всё впустую. Но сегодня я вижу перед собой цель! Да! Я помогу муравьиному королю, пусть захватит свой мирок и зальёт его кровью в три ручья! А когда увидит, чего он добился, каких ужасов и какого гротеска, и что из этого вышло, вот тогда-то я посмеюсь, я посмеюсь последним! Потому что я умнее всех! Я поглотил столько рома, что мне хватит опьянения не только на целую мировую войну, но и на послевоенную ежедневную дозу!

И, подстѣгнутый ромом, он рывком двинулся в сторону муравьиного бивуака. Хорошо, что король и его гвардия уже успели ретироваться. Над передовыми шеренгами вознеслась, внезапно, словно гром среди ясного неба, ужасная змеиная голова... К счастью, в этот момент ром продиктовал Змею обратное направление – в сторону Замбези.

За пять секунд он преодолел расстояние в пятьдесят муравьиных километров. Сокрушая дома и скручиваясь похотливыми кольцами, Змей горланил: «Když se trochu podnapili, z kvelbíku je vyhodili!»¹

Тише и тише, фальшивей и фальшивей звучал его голос, пока совсем не смолк в тихих причитаниях, уж такой он был гений, наш Змей. Одурманенная душа слепца погрузилась в сонное – смертное – царство вечности.

Солнце погасло, искря и шипя, опустившись в море Замбези. Колокольный звон далёкой башни в муравьиной столице возвышенно поднимался к небу. Муэдзины молились в башнях Посейдону реки Замбези, просили его не забыть как следует высушить потухшее солнце в своей огромной печи, чтобы завтра оно снова возгорелось над холмами термитников. И верующие простирались в навозе и зывали к господу – шестилапому муравью размером со слона, который вечно покоится на шести звездах Южного Креста, исполненный возвышенных муравьиных чувств и пекущийся лишь о том, чтобы служить муравьиному народу и всячески его поддерживать, потому что муравьиный бог жив в муравьином народе, а муравьиный народ – в своём боге. (Пожалуйста, простите пьяному Климе-Змею что он тут написал.) Муравьи благодарили господу за то, что день не принёс стихийных бедствий, что носорог не наступил на муравейник, что муравьед, этот ужасный призрак, дьявол муравьиного народа, воплощённый Иблис, прошёл мимо; обещали верно служить господу и любить образ его и подобие как самих себя, прося взамен только одного: уничтожения вражеских войск, разрушения городов, завоевания народов и порабощения чужих детей, а также власти над урожаем и скотом...

¹ Когда они немного напились, их выгнали из пивнушки (чеш.).

Над могилой солнца раскинулся прекрасный закатный свет, словно свод гигантского склепа. Всё ярче разгорался, всё кровавей сиял он, дьявольский и чудовищный. Ни человек, ни муравей никогда не видели подобного небесного пожара, который и землю превратил в красное исчадие, словно кровь всех земных существ вдруг выплеснулась наружу.

И неудивительно! Небо не без причин предсказывало невиданное кровопролитие и потрясение мировых основ, каких ещё не случилось в истории. Семья великих перемен просло сегодня в королевском мозге. Но даже человеческое дерьмо, в конце концов, остывает, и обманное свечение постепенно угасло, обрюзгло, побледнело, посерело, пока там, где огонь пожирал небеса, не осталась жалкая кучка пепла.

Удушающая, давящая тьма опустилась на землю, подобная огромной скалистой глыбе, и с ней – её сестра, гниющая, трупная тишина. Плеск бесконечно далёких волн Замбези докатился до муравьиных полков, а с ним и прохладный запах болотистых заводей.

Раскатистый львиный рык раздался вблизи, обращая члены всего живущего в безжизненный камень, но муравьиный слух был слишком мал, чтобы вместить такое чудовищное порождение звука. Рычание прокатилось мимо муравьёв, и только невнятный и необъяснимый ужас пробрался в их живот и душу, и так они ощутили нечто действительно великое... Медленно, трусливо, украдкой зажглись на небе смехотворные, каждую секунду гаснущие звёзды, словно мысли ленивца в дрёме или небытии, маловеликие, великие в малом звёздочки, мысли в пустых черепаках божьих баранов, болотные огоньки над вселенскими топиями, бесщётные, безумные глазки, глядящие из сумасшедшего дома мира.

Может быть, ты подумала, милая читательница, что я мрачный, плюющий на мир пессимист? Вовсе нет! У сумасшедшего дома тоже есть смысл, а баран – единственный достойный философ, осёл господень – плеоназм, болота – благоухают, я уже это говорил! Нужны ли тебе доказательства? Пока что, разбойница, тебе придётся поцеловать себя в задницу, потому что – аминь – на этом кончается глава.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Над гималаями термитников по тускло освещённому небу поползли розоватые облачка, словно милые, нежные привидения, ангелы света. При виде их серые, побледневшие ночные призраки пустились в бегство из зенита на запад, ещё надеясь продлить своё жалкое существование в тёмных полях окцидентального горизонта.

Без толку! Безжалостные ангелочки стреляли в них новыми и новыми лучами света, так что бедных ночных эльфов встречала не спасительная темнота, а убийственное свечение. С искажёнными болью чертами они растворялись в нём, как сахар в воде, или бросались в отчаянии, как человек, прыгающий с последнего этажа горящего здания в переулок, в волны Замбези, и там замирали, тонули, шли ко дну.

Приблизительно в это время король, спавший в шатре в окружении своих войск, стал мало-помалу пробуждаться от угарного сна. Долго и успешно боролись духи сна с рассветным духом бодрствования. Стоило яркому воспоминанию о днях прошедших обнять сознание, вонзить в него призрачные когти, охватить мохнатыми ногами, как паук муху, окутать серыми нитями, как тут же возвращалась монотонная мелодия вечного сна и вилась над своим трупом.

Но свет всегда торжествует над тьмой, как говорится в затасканной истине, и так, наконец, в сознании Его Величества зашевелилось предчувствие пробуждения – а именно, боль во всех членах.

Король провёл рукой по спине. Боль удвоилась, глаза открылись и узрели тело, покрытое красными, синими, зелёными, белыми тигровыми полосами и леопардовыми пятнами. Сбитый с толку монарх свесил ноги с кровати.

– Видимо, – пробормотал он, – меня снова отделила моя дорогая свинья. Но я же ничего не помню! Разве это возможно? Чёрт побери! Хотя бы смутное воспоминание должно же было остаться, мне кажется! Ведь порка была такая, что и мертвец восстал бы к жизни! И тем не менее – ничего! Бог мне свидетель, даже ни воспоминания о воспоминании! Как странно... и удивительно! Ничего не помню: а тогда, значит, ничего и не произошло? Может быть, это произошло не со мной, а с кем-то *другим*? Ведь это другому «я» достались удары и пинки, не сомневаюсь.

Передо мной брезжит свет новых, великих откровений... Не состоит ли «я» именно в способности помнить? А память – в некоей скрытой идентичности состояний души? Так что «я» связывает своей идентичностью, как клеем, эти состояния, «я» – это сама собой подразумеваемая эманация гомогенности? И потому гомогенность первична, а «я» – вторично? То есть: может быть, «я» – к примеру, моё «я» – не всегда психологически необходимо там, где возникают такие гомогенные, а в особенности такие ментальные состояния, которые формируют 'мою' единственность и неповторимость? а не наоборот? Но всё муравейство по сей день уверено в обратном: что моим мыслям присуща известная гомогенность, потому что мои мысли – это моё «я»! По моей же теории, «я» есть нечто абсолютно подвижное, каждое мгновение перепрыгивающее с одного берега океана психики на другой, от одной мысли к другой, которая связана с первой глубоким родством идеи. Может быть, в это мгновение моя мысль принадлежит жителю Теллурия, а уже в следующее – распускается в мозгу обитателя планеты Арктур...

Но это неуклюжая, опирающаяся на материалистические воззрения пошлость! Моя ультраидеалистическая гипотеза самым радикальным образом переворачивает мир, сказочно, феерично, сверх всяких ожиданий... Пространство упраздняется – существует лишь психическая близость, состоящая в родственности убеждений, глубочайших, логических подобий. Единственное, что

существует, это психические состояния, и весь мир – психика. Та психическая вещь, что находится в *свойском* соотношении с другой вещью, и вправду ближе всего к её телу, касается другой вещи непосредственно, даже если наше тупое восприятие склонно считать, что она находится на другом конце вселенной. Часть психического мира, называемая 'внешний мир', 'природа' – всего лишь ложная интерпретация всеобъемлющего мира психики. И не бросает ли моя новая теория мощный свет на проблему сохранности души, т.е. «я» после смерти? Если моё «я» заключается в скрытых гомогенных движениях духа, не очевидно ли, что и после моей смерти где-нибудь, когда-нибудь душевные состояния, гомогенные с моими собственными, вынырнут из океана всеобщей психики, что они станут *мною*, что я возникну? Что, если моя мысль, додуманная до конца, моё предчувствие, прояснившись, сверкнут во вселенной-психике – и что я буду тот, кто додумает мысль до конца, кто прояснит предчувствие? Но только это должно быть нечто присущее только мне, то, что принадлежит сокровенной гомогенности мысли. Очень немногие муравьи способны понять эту мысль, я и сам не очень её понимаю, но разве можно понять молнию? И тем не менее, именно молния отворяет небеса.

Но обязательно ли наступит подобная ясность? Всякий, должно быть, чувствует, что несравнимым свинством было бы со стороны мира, если б он был так устроен, что ничегошеньки из того, что зарождалось, крутилось в головах у земных созданий, не находило никакого продолжения, если бы все цветы не давали плодов. А если бы, наоборот, один-единственный плод вошёл в вечность, сохранность души была бы тем самым доказана! Каждый, наверное, знает, что не было бы в мире смысла, если бы все причины оставались без следствий, и что вечность «я» – это постулат причинно-следственной связи. Остаётся, разумеется, вопрос: и почему бы миру не быть несравнимым свинством без всякого смысла? Разве бессмысленность и свинство не постулат божественного начала?

Но довольно! Надеюсь, читатель этих рассуждений не сочтёт меня философом, а догадается, что речь идёт всего лишь о козлиных прыжках бешеного сучьего сына, который использует Моё Величество в качестве рупора своих увечных идей. Ни стыда ни совести; этот паршивый пёс именуется своей писанину 'Путешествием слепого Змея за правдой', как если б он знал, что такое истина – и притом он пользуется любым случаем продемонстрировать обрывки своих миропредставлений, делая вид, словно ему удалось найти правильное решение. Ему прекрасно известно, что все его идеи яйца выеденного не стоят, поэтому шарлатан выдаёт их за идеи своих персонажей, увиливает: 'Это не я говорю, это эти ограниченные персонажи! В настоящем философском произведении я бы представлял свои мысли, разумеется, по-другому, но здесь я обязан как беллетрист оставаться верным характеру моих персонажей, а мои идеи лишь краски, которыми я пишу людей; но какая, однако, находка эта беллетристика для таких интеллектуальных оборванцев, ха-ха!' Но поскольку ты ещё не раз встретишься с подобными заскоками, милый читатель, и поскольку из-за них у тебя не получится толком сложить мнения о моём характере, я сам тебе нарисую небольшой портретик.

Я самый обыкновенный тиран, т.е. самый расхожий человеческий товар. Моё социальное положение, однако, украшает меня разнообразными качествами, которые в глазах поверхностного наблюдателя наделяют меня – впрочем, как и любого аристократа – некоторой исключительностью. Слабак и трус, я, тем не менее, способен проявлять значительную энергичность и смелость. Так что ж? Тот, кому покорно подчиняются, волей-неволей приобретает самомнение, уверенность в себе, для раба вовек недостижимую; тот, на ком покоится взгляд целого мира, обязательно исполнится отваги, ведь девяносто девять процентов отваги основывается на тщеславии. Хоть и ограничен в душе, я не лишён большого ума: у кого есть должность, у того и разум, а глупцы всегда умны. Кроме того, во мне сосуществует уйма страннейших извращений, вырождений, чудовищных, до абсурда

смехотворных уродств. Ни философским, ни художественным гением я не обладаю. Далее: мне пятьдесят два года, я всё так же полон сил, дважды за ночь способен к совокуплению, мал ростом, не слишком толст, моё лицо прекрасно, потому что я король, а о торговце, который, сказывают, диво как на меня похож, всем известно, что башка у него как у польской хрюшки. Ни лобных долей, ни глазок не разглядеть, зато мощно развитая нижняя часть лица – огромные челюсти и щёки – придают мне вид, внушающий уважение. Так вот. Теперь я снова буду говорить разумно.

Итак: кажется, не приходится сомневаться, что меня поколотили, когда я был пьян до потери сознания. Но как возможно, что я вчера снова по-свински напился после длительного воздержания, несмотря на запрет жены и на то, что знал об ожидающем дома наказании?

Он задумался. Вдруг, как гром среди ясного неба, к нему вернулось воспоминание о странных происшествиях вчерашнего дня: Змей, свинцовый медяк и т. д., его планы завоевания мира, два кролика, оскорбления супруги, которые он смиренно снёс перед лицом всей гвардии... Не рискнём описать его чувства при всех этих воспоминаниях.

Ещё не проснувшись как следует, он вспомнил первые фразы рассказа Змея о свинцовом медяке, но дальше в его памяти отверзлся безнадёжный чёрный провал.

Он огляделся. Мебель раскидали по шатру и перевернули кверху дном, из развала торчал сапожный рожок, бамбуковая трость и его собственный скипетр. Жёлтые лужи покрывали пол, сползали по мебели, постели и стенкам шатра; вонь была нестерпимая. Во второй кровати похрапывала королева.

Исполненная заботы и жажды услужить, в прорезь просунулась физиономия первого камердинера. Король сделал ему знак подойти ближе.

– Скажи мне, – прошептал король, чтобы не разбудить королеву – что вчерастряслось? Ничего не пропускай, рассказывай по порядку, иначе прикажу тебя колесовать! Но учти, если расскажешь что-то, что оскорбит мой слух или

нанесёт вред моей чести и достоинству, я утоплю тебя в дерьме! И говори тихо, тихиссимо, паршивый пёс!

– Когда солнце коснулось моря, – начал рассказ придворный, – Ваше Величество изволили вернуться домой, точнее говоря: изволили приехать на носилках. В результате коммуникации со святым духом Ваше Величество изволили находиться в таком экзальтированном состоянии, что казались совершенно как не от мира сего. Видимо, дух Вашего Величества витал в облаках, поскольку высочайшее тело совсем не шевелилось. С помощью солдат я снял с бездыханного тела одежды, затем солдаты перенесли Ваше Величество на кровать и удалились.

Тут вдруг в шатёр ворвались Её Величество, Его Высочество принц, Его Сиятельство герцог Тщеслав и Его Преосвященство кардинал Ангельшельм – и все ринулись к постели Вашего Величества.

Я защищал Ваше Величество, как лев, но меня выбросили вон, как котёнка. И тут, и тут, – камердинер вытащил из кармана платочек, – они сбросили тело помазанца на пол, и, и, и Ваше Величество изволили принять высочайшие побои. Её Величество размахивали сапожным рожком, Его Сиятельство герцог Тщеслав – бамбуковой тростью, Его Высочество наследный принц – скипетром Вашего Величества, а его Преосвященство стояли в углу и благословляли Ваше Величество оплеухами. Надеюсь, что не затрону чувствительных слуховых нервов Вашего Величества, если в точности передам слова вашей супруги – да разве может луну оскорбить собачий вой? Вот тебе за ебливую гадину! – кричала Её Величество. – Штопаный гондон, блядь подзаборная! А вот, вот тебе за дух святой, ты, скопище пороков, богохульник, ромовый пузырь! И ещё вот тебе за твоего дурацкого слепого Змея, плебейский цариска! Ну и компания для помазанного лба! Я видела, как ты падал всё ниже и ниже, я терпела, пока ты путался с негодными философишками, писателишками и комедиантами, но тут уж конец моему терпению! Те шуты гороховые были, по крайней мере, как бы придворные, т.е. по сути приличные члены общества в шутовских балахонах гениев; но этот Змей, я же чувствую, говорит *всерьёз*,

он говорит, что думает, и думает, что говорит, это антимуравьиный и аморальный хищник и дьявол собственной персоной...'

Дядюшка Вашего Величества рычал: 'Получай, получай, будешь знать, будешь знать! Я не дерьмо, не дерьмо, а вот ты-то ублюдок, жидовский ублюдок, мой брат был свинья, ты свинья, свинское твоё хозяйство, у меня не осталось ни кредита, ни уважения, меня высмеивают мальчишки, получай, получай, ни борзых не осталось, ни патронов лупить по рябчикам, ах ты, куропаткин помёт, ах, несчастный я старый человек...'

'Ура, ура! – кричал Его Высочество наследник. Он вскочил на ноги, рассмеялся горлицей, заржал пожеребачьи. – Сейчас поколочу тебя, как раньше ты меня колотил, ты, нехороший отец. Ты собака, а я – король, я так тебя отколочу, чтоб ты сдох, наконец, и тогда мне достанется красивый блестящий трон, а не только куклы и солдатики!' Тут он стал лаять, мяукать, мычать, и всё хлопывал себя ладонью по заднице.

Достоинство уважения стоическое спокойствие, с которым Ваше Величество снесли побои, не издав ни звука, хотя удары были так сильны, что Ваше Величество кидались из угла в угол, выделявали хитрые прыжки, словно карп в запруде, и зывали львиным голосом, да так импозантно, что я грохнулся в обморок.

В конце концов, в конце концов – Ваше Величество соизволили прыснуть высочайшим дерьмом прямо в лицо мучителям. И тут я снова должен преклониться перед мудростью Вашего Величества. Ведь как просто было бы одним пальцем расплющить этих сумасшедших предателей, но Ваше Величество не хотели оказывать им такой почести и потому использовали то оружие, которого виновники заслужили, оружие, известное хорьку, чинге и другим мудрым животным.

Вышло великолепно! Королева упала в обморок, а прочие бросились ей на помощь и вынесли её прочь из шатра.

Я использовал представившуюся возможность, чтобы переложить Ваше Величество на постель. Ещё

несколько мгновений Ваше Величество изволили кричать внушающим почтение гласом, потом затихли и снова впали в то отрешённое от мира состояние, в котором находились до моего прихода. Я же всю ночь проливал слёзы восхищения о моём повелителе, благодаря бога за то, что оказался рабом властелина, который даже в такой щекотливой ситуации ослепляет душевным величием больше, чем другие цари во время блистательных процессий.

– Я рад твоему разумному отношению к этому инциденту! Но поскольку не все так мудры, смотри не пророни ни слова об этой истории, я приказываю. Безразлично, ты ли проболтаешься, или кто другой, но если хоть что-то станет известно о вчерашнем происшествии, жрать тебе до конца дней дерьмо своё и дерьмо дерьма своего и т. д. Убирайся, пёс!

Быстрее молнии, проворней кошки исчез вёрткий солдатик.

Кровавый глаз восходящего солнца заглянул в шатёр... Король погрузился в задумчивость. После вчерашнего знакомства с огромным слепым Змеем история с побоями представляла его измученной душе в ином свете, чем все прежние истории. Он краснел, бледнел, дышал хрипло, пот лился ему в глаза... Впервые за много лет он чувствовал стыд и приливы гордости, сознавал достоинство, которого не имел, но к которому стремился, и наслаждался тем, что нашёл себя.

Вдруг хриплое дыхание перехватило, в глазах вспыхнула судорожная ярость... Ему вспомнились прозвучавшие в голове вчерашние слова: «С таким союзником мне ли бояться этой мелкой вырожденки и горбуни? Один мой приказ – и...»

Сегодня эта идея предстала перед ним в другом, более устрашающем виде, чем вчера в легкомысленном опьянении. Теперь уже речь шла не об игре ума, а о серьёзном решении. Он представлял себе ужасные, неслыханные последствия этого решения, и разные чувства – гордыня, скорбь, тщеславие, смелость – боролись в нём со страхом...

Борьба была яростна, но скоротечна. Гамлет на его месте сомневался бы годами, но у короля мозгов было меньше, чем у Гамлета. У него был ограниченный ум, но решительный, как у осла.

– Все четверо сдохнут сегодня же! – прошептал он и сел на кровати, но тут же снова упал на подушки.

И вдруг он заснул, внезапно легко вознёсшись в небеса, и ему приснился сон о прекрасной жизни без уродины-жены, сумасшедшего параноика-сына, полудиота дядюшки Тщеслава, без всей этой камарильи. «Если я хочу завоевать весь мир, то не начать ли прямо теперь? Пусть Змей опробует силы здесь, у меня дома. Да, более чем логично! Отсюда начнётся мой вечный путь славы, я это чувствую: если я поборю это мелкое, жёлтое, скрюченное проклятие моей жизни, я поборю весь мир! Ведь говорят, что тот, кто поборет себя, одержит победу побед? Так должно быть и так будет! Договор с большим Змеем уже заключён».

Он побледнел. «А что если подлое чудовище, теперь уже не голодное, уползло восвосяси, о господи?! Ведь очевидно, что Змей не даёт себя связывать обещаниями, никакой морали, как у всех из его рода, как у мира, имя которому – змея... Может быть, он даже стесняется быть со мной в союзе из-за моего малого роста. Во всяком случае, большого уважения в его обхождении со мной не чувствуется. Пойду проверю, на месте ли он, да и в любом случае надо убираться, потому что следующая порка не за горами».

С дрожью во всех членах он выкарабкался из кровати. Не умывшись и не сменив белья, он потихоньку потянулся к кучке одежды. Тут за спиной раздался пронзительный стон и скрип кровати; король осел... Но нет, пустые страхи! Королева, перевернувшись на другой бок, ангельски захрапела дальше.

Чтобы закрыть распухшее, покрытое синяками и грязью лицо, монарх прихватил прозрачное покрывало, в которое закутывался только для самых священных церемоний – расшитое золотыми солнцами, усеянное серебряными звёздами.

И так он предстал перед своими воинами. С приветственными воплями они распластались по земле перед золотым покрывалом, на котором буйство дня переплелось с таинственностью ночи, и окружили короля, как лавровый венец окружает лысую голову Юлия Цезаря.

Свежий, пронизанный лучами воздух небосклона и присутствие бессчётных верных и преданных героев вдохнули в повелителя былую чистую отвагу.

– Упряжку лучших лошадей! – воскликнул он. – Быстрее, туда, где я вчера спас божественного Змея от гибели. Сотню преторианцев в сопровождение! Пусть возьмут с собой самую большую трубу! Быстрее, быстрее, ленивые псы!

Больших, пятисантиметровых – если не считать длины сабель – кузнечиков запрягли в повозку, преторианцы оседлали кузнечиков поменьше, и кавалькада галопом понеслась на запад. Лошадям связали крылья и отчасти – ноги, чтобы они не перелетали больше муравьиного километра (человеческого метра) в минуту.

Нота бене: в дальнейшем все муравьиные единицы длины пишутся сокращённо: м-км, м-см и т. д., а ч-км, ч-м означает «человеческий километр», «человеческий метр».

Они доехали до места, где вчера заметили Змея, но сегодня его нигде не было видно. Король расстроился, хоть и чувствовал, что не было причин ожидать Змея ровно на том же месте, что и вчера.

– Он покинул orbis terrarum! – застонала его душа. – Или отправился на запад в царство Посейдона, или перемахнул через вечные горы на востоке, где пирует Зевс с другими небожителями, или ушёл в норы, вырытые в земле ужасными, безмерными адскими псами по имени Мыши и ищет спасения у Аида в империи Персефоны. Покинул меня, бедного, чересчур доверчивого идиота!

Не только муравьи считают, что все сверхмуравьиные существа приходят на землю из других миров: Христос из мошонки святого духа, Шакьямуни из – не знаю из чего, Геракл – зевсов ублюдок, Ахиллес – ублюдок морской царицы Тетис, и я мог бы привести ещё несколько примеров, если бы знал.

– Куда ушёл Змей после переговоров со мной? – спросил король свою гвардию.

– Словно молния, его голова вдруг взвилась над нашим бивуаком. Ещё секунда – и от нашей огромной армии не осталось бы и следа... Но так же внезапно, как появился, он исчез. Вероятно, двинулся к морю.

– Дальше, дальше на запад! – закричал монах, совершенно вне себя. – И будь он хоть в Амфитритовых Кемениатах, я вырву его оттуда своей мощной рукой, чтобы отдать его неизмеримую силу на служение нашему народу, воплощению благородства, целеустремлённости и самой муравьиной муравьиности!

– Наш король затмевает светила! – вскричала кучка королевских спутников, до дрожи пробранная восхищением. – Он великий человек! Вчера он бесстрашно и гордо говорил с бесконечной живой горой и взял гору к себе на службу, а сегодня отважно пустился на поиски этой громады, чей вид приводит нас в больший ужас, чем оскал муравьяда.

Дальше и дальше ехали они. Король собственноручно настёгивал усталых лошадей. Выше и выше карабкались языки вечного небесного пламени, паля траву и голову. Земля вокруг простиралась чужая и пугающая.

По дороге им стали попадаться жёлтые муравьи, втрое крупнее чёрных. При виде кавалькады они разбежались по кустам. Уже на двенадцатом м-км они далеко отъехали от того места, где вчера лежал Змей.

Тут перед ними показались пограничные камни. Солдаты, скакавшие в голове колонны, остановились в неуверенности.

– Дальше, дальше! – прокричал Его Величество. – Что вам эти границы! Вся земля под небом до самого моря со вчерашнего дня принадлежит мне, всё моё!

Но увы! Муравьиная цивилизация ещё не достигла такой высоты, чтобы пускать в свои пределы чужестранцев, будь это даже короли. Ни свободной торговли, ни обмена мануфактурой и культурными ценностями! Перейти границу всё равно что принять смерть свою, если, конечно, вовремя не выбросить белый флаг. Но король,

король! Не спятил ли он? – думали солдаты, но повиновались, пусть и с дрожью в коленях.

Теперь им встречались одни только жёлтые муравьи. При виде королевской мантии они и не думали падать на колени, только нагло морщили лбы, но предпринимать ничего не решались: всё же один в поле не воин.

Король ехал дальше. Теперь жёлтые великаны попадались уже группами. Ругательства, угрожающие жесты, попытки нападения. И всё равно великий король стремился вперёд, несмотря на дезертиров в арьергарде.

Вдалеке раздавались звуки трубы, звонили пожарные колокола, в воздух взлетали петарды. Чёрные муравьи беспокойно вперялись взглядом в силуэт огромной метрополии, дома которой в тысячу м-м высотой возвышались где-то в восьми м-км к югу. Вдруг исполинская армия уже готовится выйти из ворот? Тут к королевской упряжке подошёл предводитель преторианцев.

– О сир, дальше нельзя! Если теперь не повернём обратно, мы погибли. Враг отрежет нам пути к отступлению. Я готов погибнуть за моего короля, но мои люди не хотят ехать дальше. Вот-вот разразится мятеж и восстание. Жизни Вашего Величества теперь угрожают не только враги, но и покорнейшие слуги Вашего Величества. Только забота о жизни моего короля заставляет меня произносить эти дерзкие слова. Вернитесь, сир, не желайте невозможного, вспомните, что и Александр Великий подчинился армии, когда солдаты отказались продолжать марш по Индии!

Неистовство короля тем временем поутихло и уступило место беспокойству. Он и сам теперь видел, что предводитель преторианцев – у которого, заметим, власти было побольше, чем у самого короля – вполне прав. Он понял и то, что даже если Змей отполз к морю, всё равно дотуда не добраться до наступления ночи. Но что делать? Капитулировать? Невозможно... Вернуться в лагерь и ждать, когда Змей сам вернётся? Но, по всей вероятности, тогда предстоит вторая порка, а сегодня он боялся порки больше смерти. Или попробовать дать сигнал трубой? Хорошо, но кто поручится за то, что

слепое чудовище не раздавит его вместе с сопровождением, оказавшись на месте в десять раз быстрее, чем летит пушечное ядро?

Смутившись душою, он взыскал совета у святого духа. И правильно сделал! Отважно оглядев просторы, он сразу обнаружил выход из ситуации.

Справа, к северу, на расстоянии около пяти м-км возвышались небольшие холмы высотой в двести-триста м-м. В их сторону от столбовой дороги ответвлялась просёлочная дорога ровно там, где стоял король. Он знал, что за холмами начиналась его земля – в этом месте граница немного выпирала в сторону чужбины.

– Так тому и быть! – воскликнул он. – Я подчиняюсь вашему желанию, но только чтобы доказать, что я от всего сердца дорожу жизнью моих подданных. Но отступить мы будем другой дорогой, ведущей через Адовы горы, великий заслон моих пределов. Путь дотуда короче, чем по шоссе до пограничных камней, а опасность, что враг отрежет нам путь к отступлению, меньше. Местность там глухая, почти не населённая.

– Невероятно мудрое решение принял ты, сир! – сказал Сеян, и они повернули направо.

Король, правда, преследовал ещё одну цель, не только отступление. Он рассчитывал убить двух зайцев, а то и трёх. Он надеялся, что взобравшись на вершину, он увидит в отдалении слепого Змея и подаст ему сигнал трубой, не опасаясь, что тот его раздавит, ведь его будут защищать холмы.

Поначалу идти по просёлочной дороге было легко. Потом стали попадаться камни, их попадалось всё больше, пока дорога не упёрлась в глухое море каменного завала. Колесница по камням не ехала, королю пришлось пересесть на лёгкого коня. Тем быстрее кавалькада двинулась дальше.

Ни травинки по сторонам. Жёлтые муравьи-гиганты тоже почти перестали встречаться на их пути. Камни переросли в глыбы высотой от одного до трёх м-м и плотно усеивали землю.

Наконец, они оказались перед первым холмом высотой около двухсот пятидесяти м-м. Слева от плато

шириной в один м-дм, на котором они стояли, возвышался довольно крутой обрыв высотой в тридцать м-м. За ним, на расстоянии около полутора м-км, виднелись зелёные проблески густого леса травы.

Король, остановившись на минуту, осмотрелся и пробормотал: «Очень подходящее место для...» – и его глаза внезапно метнули страшную молнию. Он пришпорил коня.

Когда самодержец поднялся на вершину, его взгляду открылась несравненно прекрасная панорама, освещённая лучами юного солнца. Но что ему в красоте! Только по Змею тосковал его глаз. И эта тоска вскоре покинула его!

В ста м-км дальше на запад он увидел возвышенность высотой с тот же холм, на котором стоял сам, но гораздо протяжённее, он рассмотрел гладкий хребет, изумрудный блеск... Возвышенность медленно двигалась вперёд, выгибаясь грациозными волнами.

– Он не пропал с лица земли, значит, он всё ещё хочет мне служить! – возрадовалась его душа. – Но надо удостовериться.

И он закричал в долину:

– Отступить за холмы! Они защитят от возможного наступления Змея. И громкий сигнал трубой, быстрее!

Раздался приводящий в трепет звук ужасного музыкального инструмента, которым квиниты некогда повергали в бегство врагов. Зелёная масса вдалеке вздрогнула. Новый гудок. И масса двинулась в новом направлении. Она стремительно приблизилась, но вдруг остановилась: «Ещё один сигнал, чтобы я знал, куда идти!»

Протрубили ещё раз. Змей полз прямо к тому холму, где стоял Его Величество. Теперь их разделяли не более десяти м-км. Змей нарастал, как лавина, и королю стало страшно.

– Помедленнее! – крикнул он, но Змей не услышал. На расстоянии пяти м-км он снова остановился и спросил:

– Ты далеко, король?

– Половина твоей длины! – крикнул тот во весь голос, но снова слишком тихо для змеиных ушей.

Змей подполз ещё на один м-км ближе, повторил вопрос, снова не расслышал ответа, и так продолжалось, пока ответ: «Десятая часть твоей длины!» – не коснулся его слуха, как шёпот листвы далёкого леса.

Он медленно вытянул шею вперёд, пока его голова не оказалась в трёхстах м-м от короля, и замер.

– Молодец, – подумал самодержец, – роскошная тварь, исключительное приобретение.

Его ум, омытый утренней свежестью рома, увлёкся созерцанием возвышенной, неземной громады, и в нём вспыхнула догадка: «Это существо выше, чем все муравьиные заботы – выше, чем я сам. Над нашими делами парит в небесах нечто таинственное...» Но это озарение тут же утонуло в мелких глубинах его муравьиной души.

– Прежде всего позволь поблагодарить тебя, великий король, – начал Змей, и королю померещилась отдалённая насмешка в его словах. – Спасибо за еду, которой ты подкрепил моё тело и дух, и дважды спасибо за напиток, которым ты напоил мою душу и тело. Твой нектар, с его волшебной способностью вызывать экзальтацию, доступную мне лишь изредка и не по собственной воле, или, наоборот, только усилием самой последней, самой очищенной воли – твой нектар это нечто совершенно особенное, всячески достойное рекомендации, и с того дня, когда я узнал о его существовании, начинается, возможно, новая эпоха в моей жизни!

– Ну ладно, ладно, – смущённо пробормотал монарх.

– Так ты действительно хочешь служить мне?

– Неужели нужно повторять?

– В общем, я никогда не сомневался, что ты человек слова, господин Змей.

– А вот это зря. Я беру своё слово назад где и когда мне заблагорассудится, и не только слово, которое дал другим, но иногда и самому себе!

– Получается, ты не слишком высоко ставишь мораль! Ты меня разочаровываешь.

– Я ни во что не ставлю мораль по той же причине, по которой я плохо вижу. Мораль это чисто муравьиная

вещь. Я должен связывать себя моральными поучениями, я, абсолютная воля? Неужели бог должен поклоняться нормам? О, смешной и жалкий род! Будь абсолютно свободен, не подчиняйся никому, даже этому самому правилу! Это мой единственный моральный принцип, если только он не противоречит понятию морали!

– Довольно пустых, порочных слов! – прервал Змея суровый голос короля. – Это ты-то бог? Бог, огромный муравей размером со слона, который покоится на Южном Кресте, поступает так, как диктуют вечные моральные принципы, об этом расскажет тебе любое философское произведение. Под страхом смертной казни я запрещаю тебе распространять вредные идеи среди нашей молодёжи. А теперь за дело! Уже сегодня я поручаю тебе важную миссию.

– Да будет так, величество, без прислужничества и подёнщины ведь не проживёшь.

– Ты называешь службу благородным целям муравейства и исполнение королевских приказов подёнщиной?

– Запомни раз и навсегда: тому, кто думает только о монете Рацапи, бивагинальном слизистом мешке и синем псе, всё муравейство с его цезарями что дохлый клоп! Я способен хладнокровно уничтожить всё муравейство одним махом, и в следующую минуту уже буду думать о чём-нибудь другом, а ещё минуту спустя забуду о содеянном так же безвозвратно, как забыл, что ел на обед двести тридцать два дня тому назад. Слушай внимательно: не ожидай от меня многого, не преувеличивай моих способностей, иначе тебя ждёт разочарование. Я не только слеп, но и ужасно глуп, абсолютно лишён талантов – полный идиот.

– То, что ты говоришь – идиотизм. Ты, скорее, философ или художник, а таких людей считают талантливыми. Кроме того, мне нужны от тебя не таланты, а стихийная сила, элементарная тяжесть...

– Последняя фраза просто грандиозна, ха-ха-ха! Понятие «гений», «герой», «святой», «неповторимый» ужалось до понятий «стихийная сила» и «элементарная тяжесть» – ничего не осталось после такого расчленения,

кроме отпечатка идеи. Великий человек всего лишь тяжёлый, как золото, туман. Но он – эфир тяжелее вселенной, свинцовый медяк, т.е. сам мир в миниатюре. Но вообще-то и утверждение, что гении талантливы, тоже божественно.

Уместно говорить о талантливых учениках. Одно это достаточная причина утверждать, что настоящий гений абсолютно бесталанен. Талант и гений это пара противоположностей. Небо и земля такие же противоположности; талантом звалась греческая банкнота достоинством приблизительно в три тысячи австрийских гульденов...

– Радостно видеть, что несмотря на все твои нелепости, у тебя есть здравый смысл. Хоть ты и блуждаешь вокруг да около, но возвращаешься к точке отсчёта: к деньгам. Я в тебе не обманулся! Найди-ка ты мне таких талантов, сможешь, о божественное, самое возвышенное на свете существо?

– С лёгкостью! Но не сразу. Как говорит этот пёсий хвост: «Я плачу только звёздными гульденами». Или ещё тот карманный вор: «Сегодня ты будешь пить с нами на небесах...» Если бы только избавиться от слепоты. О! Почему этого ещё не случилось? Ведь тогда я стану воистину богом! И даже как есть слепой, я мог бы достичь своей цели, я и так от неё на волосок... О, почему же я, сильнейший мира сего, не имею сил сделать последний рывок своей божественной рукой...

– Хватит уже болтать ерунду! Можно с тобой хоть минуту говорить серьёзно? В главном ты на правильном пути: поступаешь мудро, называя деньги целью целей, но зачем же такие помпезности, «последний рывок своей божественной рукой»; спекуляция, подпольные цепи, запланированное банкротство – это всё, разумеется, прекрасные, похвальные, достойные вещи, но назвать их 'божественными' способен только сумасшедший писатель. Для совершенства тебе недостаёт только ума, дорогой господин фон Змей!

– Ум означает для меня перестать быть собой. Но даже эту ужасную науку я изучил! Не зря же моей юности двадцать тысяч вёсен. Лучше примерь мою голую, дикую

и прекрасную мудрость, это тесное платье безумца в здравом уме! Крахмальный воротничок и радужный галстук, чтобы над тобой смеялись боги! Чистые манжеты, чтобы ты не уставал следить за их чистотой! Блестящий цилиндр, начищенные штилеты – свяжи себя, свободный, склони гордую голову, ползи, возвышенный, ешь дерьмо, чистый, дрожи, скала, лижи зад этим свиньям, бог, исчезни, вечный! Разум для гения только обман и мошенничество. Но это моё последнее мудрое изречение. Ваши приказы на сегодня, сир?

– Небольшая прогулка, около трёх километров. Не дальше трёх твоих длин. За это получишь жирного барашка и ещё больше святого духа, чем вчера.

– Большое спасибо, великий король. Но с какой целью прогулка?

– Разве я тебе не объяснил вчера?

– Разреши, я подойду к тебе поближе. Тебе приходится кричать, чтобы я мог тебя слышать, и солдаты слушают, что ты говоришь и что я отвечаю. А то, что я хочу с тобой теперь обсудить, должно остаться между нами. Как и то, о чём мы уже говорили раньше. Разговоры муравьиного Александра и слепого Змея, – и тут он сам себе дал оплеуху, вспомнив, что обещал говорить разумно. – Но не стой прямо перед моим ртом, а отойди немного в сторонку. Иначе одно дуновение моего дыхания отбросит тебя на несколько километров.

Когда он упомянул своё дыхание, короля снова посетило то чувство, которое он испытал, разглядывая это титаническое тело. Очень медленно Змей подполз на расстояние десяти м-м к королю и прошептал:

– Не знаю, сказал ли я тебе вчера, что догадываюсь, зачем я тебе нужен: ты хочешь раздавить вражескую армию.

– Что? Что?! Это неправда.

– Тут необходимо заметить вот что: если ты намерен чего-нибудь добиться с моей помощью, ты должен играть в открытую и посвящать меня в свои планы, без этого не обойтись. Я не раб и не машина: как слепое орудие твоей воли я не принесу тебе пользы,

но могу пригодиться тебе как умный помощник, если буду действовать в твоих интересах. Почему – ты поймёшь позже, если проанализируешь мою удивительную психологию.

Королю и раньше приходило в голову, что невозможно без конца держать Змея в неведении о целях его «прогулок».

– Ладно, ты угадал!

– И ты надеешься уничтожить вражескую армию ещё сегодня?

– Да – вообще-то нет – вообще-то да – но какое тебе дело?

– Что я тебе только что сказал? – внезапно возопил Змей. – Если ты и дальше собираешься обращаться со мной подобным образом, мы расстанемся сию же минуту! Мириады лет я жил без тебя, проживу и дальше, а если и умру, то мне, душе богини Теллус, мне, бессмертному, сегодня всё равно, когда уйти на покой, можно и днём, а не вечером. В моей вчерашней агонии я показал тебе свою слабую сторону, но не суди обо мне по этой сцене. На самом деле, я полон героизма. Итак, – и вдруг его голос смягчился, в нём слышался добрый смех, – сегодня вечером ты собираешься убить супругу и всех членов её камарильи?

Нескоро нашёлся монарх с ответом. Сперва его охватила ярость, а теперь этот ужасный вопрос до смерти его напугал.

– Как тебе могла прийти такая идея в голову?

– А разве я не слышал вчера тех нежностей, которыми она тебя осыпала? Остальное додумал своей не самой никудышной головой.

– И ты – ты называешь себя бесталанным, о всезнающий? Ты нагло меня обманул, назвав себя архитупицей! А я тебе почти поверил, я, легковерный осёл!

– О король, мы оба были правы! Всезнающие не знают ничего... Да, мне известны вещи, неизвестные никому, но то, что знает каждый – как раз этого-то я и не знаю. Самый великий гений и есть самый большой осёл; и, может быть, самый большой осёл и есть самый

великий гений. Меня всегда и все считали невыносимым. Люди больше знают о туманных звёздах, чем обо мне, твёрдом ядре их собственных душ. Ты найдёшь во мне все свойства, противоположные друг другу. Скажешь, что я – самый возвышенный, и тут же оговоришься, что и самый падший, жалкое пресмыкающееся. Ведь весь мир и есть змея.

При этих словах он вздрогнул.

– Иногда ты увидишь во мне воплощение ненависти, иногда – воплощение любви. Силу – и испускающее дух бессилие. И не обязательно одно следом за другим, но и *одновременно* – так все противоположности, расщепившись на атомы, слились во мне. Но что значит это *последнее*? Не отменяет ли моё высказывание *legis contradictionis*?¹ Одна вещь не может обладать противоположными свойствами – значит, и я тоже? Но если отменить *lex contradictionis*, не рухнет ли основа всей мысли и не родится ли из её смерти что-то безмерно новое? Учение о противоположностях – но как мало я всё ещё понимаю... Правда, бивагинальный слизистый мешок и синего пса я ещё не нашёл, и потому пока не лежит у меня на ладони свинцовый медяк, только во сне я вижу его, я, я – сам свинцовый медяк.

Он снова вздрогнул. Новое предчувствие посетило его: «То, чего я ищу, это я сам, а значит, и искать ничего не нужно, ведь я давно нашёл искомое, уже целую вечность назад... Что это значит? Что всё, всё на свете закончено и совершено, что несовершенство – лишь галлюцинация, обман рассудка? Что ни к чему не нужно стремиться, а лишь покоиться, обняв себя, в собственном вечном сиянии? А что дальше?..»

Он погрузился в размышления.

– Мы плывём к плавучим островам в широком благоуханном потоке, мы плывём, и острова плывут, нам до них не доплыть. Мираж оплёл ваши царские очи: вы околдовали себе душу, и вот в ней цветут острова, – пробормотал он себе под нос слова Яна Бжезины.

¹Закон противоречия (лат.)

Король же, всё ещё смущённый его внезапным гневом, не мешал Змею, пока тот обозревал невинные регионы своей души.

– Ну, так что с твоей королевой? – вдруг весело воскликнул Змей. – Поторапливайся, король. Если мы будем писать в таком темпе, получится роман как минимум две тысячи страниц длиной, так что этот твой прохвост никогда его не допишет, и ты, Ахиллес и Мирмидон, потеряешь своего воистину достойного Гомера! Кто тогда будет тебя воспевать, о микроскопический Александр?

– Если бы я и вправду этого хотел, – уклонился вседержитель, – с какими чувствами ты совершил бы это чудовищное деяние?

– О, не иначе как с ужасом, огромной болью и отчаянием! Но перешагнул бы через себя, потому что служу тебе верой и правдой и верю, что твои указы исполнены мудрости!

– Наконец-то ты говоришь разумно! – обрадовался король. – И – и – ты снова прав. Но только, ради бога, никому не говори о моих планах, иначе мы погибли! Да, я действительно решил лишить её жизни, мою родную, потому что цель, которую преследует она и её приспешники – истребление муравейства. Убьём её – спасём миллионы! Но ах! какое бремя ты взвалил на мои, пусть и сильные, плечи! – Он разрыдался...

– Что ж, решено! А теперь расскажи мне подробнее, что я должен сделать.

Король задумался. Потом заговорил с удвоенной энергией:

– Я заманю их сюда. У южного подножия этой горы простирается плато площадью около сорока тысяч наших метров в квадрате. Там они будут стоять в решающую минуту. Одним муравьиным километром западнее начинается полоса леса около пяти м-км шириной. Если ты спрячешься за лесом, они тебя не заметят. Около трёх часов пополудни ты услышишь сигнал трубы – и сразу бросайся вперёд! Всего половина

твоей длины будет отделять тебя от жертв. Потом отползи ещё километров на десять и снова проползи по уже мёртвым телам на исходную позицию. И повтори снова весь манёвр для большей надёжности. Лес тебе не помеха. Всё понял?

– Да, – рассеянно ответил Змей, который всё время королевской речи обдумывал свои новые философские идеи.

– Теперь главное, чтобы ты занял правильную позицию в укрытии. Запоминай: сначала шесть м-км на запад. Сигнал трубы даст тебе знать, когда ты окажешься на нужном месте. Потом поворачивай на юг. Когда твоя голова приблизится к цели, труба протрубит дважды. Если проползёшь мимо – услышишь ещё сигнал, а когда снова вернёшься на место – тройной. Потом – и это очень важно! – твоё тело должно вытянуться по прямой с запада на восток: в этом положении ты атакуешь моих врагов в три часа пополудни. Если ты не вытянешься по струнке, то потеряешь ориентацию и дело кончится тем, что ты заблудишься в пустыне камней. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы ты оставался в этой позиции всё время, пока не услышишь сигнал трубы в три часа.

– Ну и задание, – недовольно пробурчал Змей. – Как в казарме. Глупо ждать, не двигаясь с места! Ты говорил о небольшой прогулке, а тупое ожидание вовсе забыл упомянуть, а ведь это в тысячу раз большая, отвратительная работа!

– Думается мне, ты рехнулся! Как ты можешь называть работой ленивое лежание? Хотел бы я всегда так работать, ха-ха-ха!

– А я – ни четверти часа, если бы не грела меня высшая надежда увидеть синего пса! – Тут он сам себе дал оплеуху.

– Похоже, тебе недостаёт самообладания.

– Твоя правда – но разве я уже видел синего пса? Пока не увижу его, я слаб. Но не воля тому виной, а мой скупой интеллект, который всё время забывает о моей цели...

– Не будем терять время, мне пора ехать домой. Иди – и чтобы ты не скучал, избалованный мой, возьми с собой мою трубку. Но в два тридцать прекрати курить, а то дым от трубки испугает преступников. Исполнишь всё как следует – будем гулять до вечера, есть, пить, веселиться, рассказывать истории про синих псов! Вперёд!

– Спасибо за трубку! – Вместе с трубкой он прихватил кисет и спички и медленно повернул на запад. На расстоянии ровно шести м-км он остановился, и труба без колебаний дала одобряющий сигнал.

– Всё-таки он надёжный парень! – удовлетворённо пробормотал король. – Если бы не его странное сумасшествие, он был бы безупречен. Но я наверняка смогу вылечить его ум. Если удастся излечить его, я придумаю какое-нибудь занятие для этого странного существа, когда захвачу весь мир. Может быть, сделаю его премьер-министром, или ректором магнификусом, или даже кардиналом.

Но вскоре ему стало ясно, что он перехвалил Змея. Его голова никак не могла занять правильное положение за деревьями, несмотря на все сигналы. Ещё дальше Змею понадобилось, чтобы вытянуть тело на восток. Драгоценный Змей словно не мог разобрать звуков трубы и ворочался так неловко, что казался невероятным тупицей.

Сначала король усматривал в его поступках каприз, потом зловредность, потом упрямство, потом позу и насмешку, и наконец бестолковость.

– Глупое животное! – возопил он, зная, что Змей его не услышит. – Как это возможно, как это возможно? Столько мудрости на устах, а при том шестилетний малыш поймёт, чего не в состоянии уразуметь это воплощение тупости, держащее себя за бога. Два сигнала! Значит, направо! Тьфу, так и знал, что поползёт налево! Уникальная безмозглость, скотина!

– Но и мудрость! – донёсся голос Змея, и король побледнел. – Хочешь спросить, читаю ли я мысли, крошка-король? Учёность, дорогой мой, это подлая низость. Только неуч может быть велик. Бог – это

абсолютная тупость, с точки зрения ваших школьных учителей. Учёность, образованность это только приспособленчество, подверженность влияниям, подчинение. Величие же заключается в том, чтобы не поддаваться влияниям и полностью быть собой.

Наконец, Змей улёгся, как нужно. Король приказал самому преданному телохранителю ждать на западном склоне холма в каменной пещере и дать сигнал, когда король вернётся пополудни и подаст ему знак.

– Сделай всё, как нужно! – крикнул он Змею, хотя знал, что тот его не услышит.

– Не беспокойся, сир, всё, что должно случиться, случится, – тем не менее, раздался ответ. Чудовищный столп табачного дыма поднялся над лесом, как если бы там пылал большой город.

Король возвращался домой окружным путём, рассуждая, как бы заманить жену в Адские горы. Незадолго до полудня он добрался домой, дрожа от возбуждения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В сопровождении двух преторианцев он вошёл в шатёр. Супруга, которая лежала в молочной ванне, не удостоила его и взглядом. Несколько минут он простоял перед ней, дрожа, прежде чем пробормотать, заикаясь:

– Могу ли спросить, о дражайшая спутница жизни, как ваше драгоценное самочувствие?

Молчание.

– Мне бесконечно жаль, что вчера я послужил причиной вашему обмороку. Если бы он повлёк за собой тяжёлые последствия – о! я бы этого не пережил.

Молчание.

Тихо и неподвижно, словно труп, покоилась королева, точнее говоря, королевина голова. Добрым казалось её чёрное, сморщенное муравьиное лицо, которое плыло по снежно-белому морю, словно отделившись от туловища...

– Грешен, каюсь, готов искупить. Неужели вы никогда теперь меня не простите, о милосердная? Вечно будете в обиде? И я уже никогда не увижу, как раскрывается улыбкой пунцовый бутон ваших уст?

Снова молчание, непереносимое – а ведь эта женщина так плохо умела молчать. Монарх растерялся: примирение с супругой было исходным пунктом его плана. Он выложил последний козырь:

– Я даже готов из чистосердечного раскаяния ещё раз снести побои подобные вчерашним, но только вечером, потому что днём у меня важные дела, а ещё я торжественно клянусь всегда вести себя хорошо...

Гробовая тишина. В душу короля мало-помалу стало закрадываться ужасное предчувствие. Он осмотрелся.

Гвардейцы хамски пялились в ответ, не отводя глаз и не стесняясь королевского взгляда. Снаружи частили мелкие, лёгкие шаги, словно жаркий шорох в улье, а чёрная голова всё плыла по белой поверхности, без движения, призрачная...

Издаലെка, почти неслышно, доносился звон колоколов, бивших полдень, печальный, тёмный и замирающий, словно скорбный бой смертного часа, и плавился вместе с монотонным жужжанием полуденной тишины, превращаясь в инфернальный траурный марш. Жёлтые духи полудня – страшного двойника полуночного часа – порхали вокруг. Как по мановению жестокой волшебницы-природы мир на взлёте жизни превратился в одревеневшего мертвеца.

Король стряхнул оцепенение.

– Я ухажу, но надеюсь застать вас через полчаса в более весёлом расположении духа. Ещё раз прошу, мне нужен ваш солнечный свет, сегодня – особенно, потому что после обеда меня ждут великие дела.

Он вышел. Тут за его спиной раздался ужаснейший смех, словно хрип пасхальной трещотки. Воздух смёрзся у него в горле, волосы встали дыбом... «Так может смеяться только труп, – пронзила его ум мысль. – Может быть, в ванне действительно плавают отрезанная голова?»

Радостная волна захлестнула его душу. Но в тот же миг в противоположной стене шатра отворилась дверь, в которую беззвучно проскользнул Его Преосвященство Ангельшельм, исповедник и фаворит королевы, подлинный правитель государства и второй Ришелье. Снова судорожный страх, ненависть и отвращение исказили черты монарха. Голова королевы пошевелилась, поднялась над ванной, бесстыже высунились увядшие груди, и королева уселась поудобней в этой кокетливой позе.

– Садитесь, Ваше Величество! – сказал проповедник, жестом повелевая преторианцам удалиться. Король повиновался, и преторианцы тоже. Кардинал заговорил:

– Надеюсь, что в вашей ночной душе ещё сохранилось довольно разума, чтобы понимать, что ваш образ жизни ведёт к разложению народа, самим Господом вам препорученного. Вы были бы величайшим из людей, когда бы ваши добродетели – я не отвергаю, что они у вас есть, даже если я их не вижу – могли сравниться с пороками, из пышного букета которых я отмечу лишь пьянство и склонность к дебошу, жестокость и безмуравейственность, легкомыслие и сумасбродную капризность, свободомыслие и безбожие. Не кроется ли в корне всех этих безобразий пагубное пристрастие к вину? Не скажу наверняка, но глядя на вас создаётся впечатление, будто вы поставили себе целью погасить шнапсом божью искру разума, и я должен воистину воздать честь усердию, с которым вы стремитесь к этой возвышенной цели. Дурными, постыдными следовало бы назвать ваши пристрастия, будь вы обычный поданный, но ведь вам доверена участь миллионов, и потому ваши пристрастия – окаянные, адские. Если пьёт король – пьёт и весь народ, и если король живёт как свинья, то всё государство превращается в свинарник. Ах, моя дорогая Вшивляндия! твой верный сын не может удержаться от слёз, взирая на тебя! Как вечерняя звезда, ты могла бы сиять среди других звёзд, но ты приставлена к позорному столбу несказанного беславия перед красные глаза насмешников!словно прокажённый, ты корчишься на земле под их ногами... Всё, всё в тебе искорёжено, всё гниёт, даже живая ещё плоть, и твоя вонь сводит с ума небеса... «Вшивляндец» и «негодяй» превратились во всех языках мира в синонимы. Нет ни одного неподкупного управляющего в нашей стране, ни одного адвоката без судимости, ни одного врача, не распространяющего заразы по всей округе, ни одного учителя, которому ученики не надавали бы оплеух, ни одного офицера, не получившего палок от своих солдат, ни одного генерала, который не был бы педерастом, ни одного священника, не уличённого в

разврате, ни одного сенатора, который пришёл бы участвовать в заседании, а не только в банкете, и ни одного министра, который не был бы кретином из кретинов. Опустившийся крестьянин блюёт, его скотина голодает; поля плодоносят пыреем, крапивой и чертополохом. Только пивоварение и водочные заводы процветают – и те в руках евреев. Меркантильность отбросила маску, даже обычное воровство не скрывается. Крадут, разумеется, украденное, но жить на такие доходы это всё равно что питаться собственным дерьмом. Основное занятие мужей – бить жён, а основное занятие жён – блудить, заслуживая побои. Тупая зараза пантеизма ползёт из дома в дом, а в церковь приходят один-два человека; бедняги священники в какие только тяжкие не пускаются, чтобы выжить. Народ медленно вымирает, голод, эпидемии, доктора, аборт, убийства бесчинствуют среди поданных почти наравне с вашей бессмысленной жестокостью, король. Разумеется, наши отряды терпят по всех походах поражение, и не только против Малой Скотинии и Великой Дуринии, но и против Болотии, а ведь Болотия не так давно платила Вшивляндии оброк. Нас бы наверняка давно захватила Тупляндия, или же Тупляндия вместе с Великой Скотинией, Малой Скотинией и Великой Дуринией, и в четвёртый раз разделила бы на четверти нашу страну, когда б они не боялись вмешательства Бугряндии и Негодянии, Дураковии и Обезьянии. Только чужому убожеству обязано наше убогое существование в тени. Но сколько может продолжаться подобное состояние дел? Прокажённый в конце концов умрёт – и уже не за горами тот день, когда настанет конец тебе, Вшивляндия. О, моя дражайшая, беднейшая, прекрасная, священная Вшивляндия! Неужто ты возродилась только для того, чтобы снова – и в этот раз окончательно – умереть? О горе, горе горькое!

Ангельшельм, глубоко взволнованный, оборвал тираду и закрыл лицо руками. Острые уши его, тем временем, наострились.

«Зачем эта болтовня? – подумал зевающий король. – Неужели всякий раз нужна прелюдия к побоям? Какое мне дело до потрёпанной Вшивляндии? Неужто этот нахал думает, что я обязан ей своим существованием? Что за наглость!» Но он мудро сдержал свой гнев и ответил как подобает, взвешенно и доброжелательно:

– Милый кардиналушко, в преувеличенной картине, которую вы только что написали, есть грань правды. И я добровольно и со всей серьёзностью, улыбаясь, признаю, что я слабое, греховное существо, но одного греха нет у меня за душой – морализаторства, хоть я и изображал настоящего моралиста перед Змеем в предыдущей главе. Но притворство есть *virtus regio*¹ – и никто как король не вправе врать для великолепия; ...и политический король, и интеллектуальный. Но промолчим! Я негодай, но я отрицаю, что должен нести вину за всё – на меня хотят перевалить всю неизмеримую мерзость Вшивляндии, ха-ха!

Ваше Преосвященство, не только Вшивляндия гниёт, но и всё муравейство загнивает после отвратительнейшего из перемирий, этого слабого исхода мировой войны, в которой победила наполовину Тупляндия, наполовину чернь всех стран. «Наполовину»: математики знают, что половина это меньше, чем ничего... И после этого свинства, этого так называемого мира, всё и началось. Мерзость и истощение; вместо воздуха мир дышит пеплом. Новых героев не народилось, я – как есть свинья – из всех правителей ещё самый героический, причём тут мне приходит на ум, что «герр» по-немецки происходит от греческого «герой», а может быть, и наоборот. Пьян ли я? Или это наш пёсий хвост пьян? Неважно, кто несёт этот вздор, главное, что вздор сказан, как сказал бы Вольтер, если б понимал, что самый поразительный вздор это и есть истина. Где моя фляжка с ромом? Всего капля на дне – ещё!

– Возможно, это последняя капля рома, которую вам суждено выпить на своём веку, – сказал кардинал, но сейчас же снова наострил ослиные уши.

¹ Доблесть королей (лат.)

– «Последняя капля», фиолетовый ты мой кардиналушко, я тебя понимаю, я всё отлично знаю, пусть мне и приходится снова притворяться, как подобает королю, сейчас вот притворюсь псом – пёс и король это ведь одно и то же, и пусть никто не думает, что мой портрет, нарисованный в предыдущей главе, правдив. На самом деле я пёсий хвост, Наполеон и Сократ в одном лице. Я анархия, превратившаяся в закон, и закон, превратившийся в анархию. Последняя капля? Смотри! – И он вынул из другого кармана штанов вторую полную фляжку рома и выпил её до дна. – Вот так, тупая твоя башка! Твоё предсказание не сбылось, и так же будет со всеми твоими желаниями, червяк, ведь ты всё никак не поймёшь, что великая правда в том, что божественно одарённый холоп останется низким духом, тогда как и самый глупый король – гений. Судьба идёт за мной по стопам, чеканя шаг, запомни, кардиналушко, вопреки всякому разуму. А убожество Вшивляндии всего лишь частный случай общей стагнации человечества после гнилой мировой войны!

– Но ни один народ не загнивает так ужасно, как вшивляндский!

– Ни у одного народа за всю мировую историю не было такого призвания к гниению, как у вшивляндского!

– Это из-за того, что им всегда управляли, к несчастью, ленивые короли и разложившаяся знать!

– Перепутана причина со следствием! Плохие короли, потому что плохой народ. Каждый народ заслуживает своего правителя. Рыба гниёт с головы!

Тут раздался крик... Кардинал и королева вздрогнули, и по лицу последней скользнул луч радости. А Ришелье заговорил в изменившемся, почти хамском тоне:

– Так вот, чтобы уберечь страну от заразы и разложения, сегодня эта самая вонючая голова будет отсечена!

Король, с лицом бледнее снега, чуть не упал в обморок.

– Не беспокойтесь, Ваше Величество, – священник хитро улыбнулся с явным удовлетворением, – речь идёт

не о том, чтобы вас обезглавить, хе-хе-хе. Вас просто освободят от забот по управлению страной, а народ – от вас!

В короле проснулся король.

– Ты хочешь свергнуть меня с трона, подлый пёс? – взревел он так, что перехватило дыхание.

– Тихо, позорный король! – крикнул священник бабским голосом. – Прошли те времена, когда ты мог ругаться!

– Не оскорбляй святого человека, ты, пьяная скотина! – пришла ему на помощь королева.

– Сеян, ко мне! Верные преторианцы, ко мне! Защитите меня от этих подлых изменников! – И монарх прыгнул к выходу из шатра, но вдруг замер, словно поражённый молнией. Вместо преторианцев, обычно охранявших шатёр, её окружали белые солдаты Лилейной гвардии, телохранители его жены и кардинала, и нигде ни следа преторианцев и их зелёных униформ.

– Измена! – закричал он, выскочив из шатра. – В сторону, псы! Вам приказывает король! Где вы, преторианцы, эй!

– Назад! – закричали в ответ белые гвардейцы, и когда повелитель попытался прорваться сквозь их ряды, он впервые ощутил на собственном теле, какие крепкие кулаки у его поданных. Он ещё долго, и вовсе не по-королевски, пытался с ними бороться, а потом, уничтоженный, вернулся в шатёр. И что же увидел?

Шатёр был полон людей, если полубогов – сливки и квинтэссенцию общества – можно называть просто людьми. Тут собрались герцог Тщеслав и кронпринц Цезарь, министр Быкомлечный, министриностранных дел Пах, председатель парламента Слюнолиз, маршал Шелкопряд, директор госбанка Арон Жопелес, генерал Меммид, глава Лилейной гвардии Нарцисс и – Сеян; немного потрёпанными в этом блистательном обществе казались придворный философ Наведи-Туман и придворный поэт Лужаслез.

Королева восседала в ванне, завернув волосатое тело в ярко-красное, плотно облегающее покрывало. Она – вторая Мессалина – косилась на членов собрания помолже, когда их взгляды останавливались на её фигуре, извивавшейся в молоке.

Король опустил на стул. «Всё пропало! – рыдала его душа. – В несколько мгновений потеряна власть, они арестуют меня, бросят в темницу, возможно, казнят... В любом случае, моему плану не дано исполниться. Какую хитрость придумать в такой ситуации, в такой час? И даже если бы мой план удался, изменник Сеян наверняка уже разболтал врагу о моих переговорах со Змеем в Адских горах. Они туда ни за что не поедут! Прощай, моя прекрасная великая мечта! Ах, как ужасна моя судьба: от самых дверей к исполнению высшего предназначения упасть в пучину несчастья! Но это моя вина! Зачем я вчера клял жену перед лицом неверной гвардии и зачем потом напился пьян? Я сам ускорил своё падение! О, если бы можно было отдалить катастрофу на три, даже два часа!» И слёзы раскаяния залили его лицо.

Премьер-министр, держа в руках листок бумаги, выступил вперёд. Торжественная, напряжённая тишина... Он начал читать.

– Хи-хи-хи, начнём охоту! – раздался злорадный смешок девятнадцатилетнего кронпринца Цезаря; до сей поры он помалкивал, потому что был занят: извлекал и поедал содержимое своих ноздрей. – Хи-хи-хи, уфр, уфр, уфр! – изобразил он крик куропатки, вскочив с места и похлопывая свой зад.

– Замолчите! – строго приказал кардинал. Но принц нагло показал ему зад со следами побоев.

– Пойди вон, скотина! – крикнула королева своему отпрыску, выскочив из ванны. Тот пустился вон из шатра, клопоча, как вспугнутая птица.

– Гип-гип, ура! – зарычал герцог Тщеслав. – Bravo, мой милый наследник! Ты не так бестолков, как это собрание тупиц! И я в твои годы был такой же замечательный парень, да и сейчас ещё могу выкинуть коленце! Смотри, смотри!

И он взобрался на стол, как петух на навозную кучу, открыл рот, как у гиппопотама, и закричал «кукареку!» У обоих идиотов явно был талант к звериным языкам.

Тем временем, королева неспешно вернулась в ванну. Во время не такой уж, должно быть, непредусмотренной охоты её платье открылось сзади, и всему собранию оказались видны её худые ягодицы.

– Немного воспитанности не помешало бы! – прошипел ей в ухо Ангельшелм, красный от ярости. – А Ваша Светлость могли бы приберечь свои трюки для более подходящего случая. Тише! – прошептал он старику, уже надувшему щеки. – А то вы мне всё испортите и окажется, что дело не стоит и горстки перепелиного дерьма.

Последние слова произвели сокрушительный эффект. Идиот осел, согнулся, как собака под плёткой, и медленно отступил, вращая пустыми глазами и издавая нечленораздельные звуки, потом затих в углу.

Министр-президент стал зачитывать декларацию. Её содержание уже известно читателю, если читатель прочёл обращение кардинала к королю.

Конец же звучал так:

– *Quam ob rem*,¹ согласно всем приведённым объяснениям, доказательствам и свидетельствам, мы с болью, горечью, печалью и отчаянием вынуждены взять бразды правления из рук Его Величества Вшивия, т.е. отделить королевские привилегии от персоны короля. Его Величество Вшивий, тем не менее, вправе по-прежнему носить королевский титул, а также апанаж, и получать доходы от его латифундий. Его Величеству королю гарантируется полная свобода передвижения, если только он сложит с себя заботы по управлению страной.

Королевские привилегии мы от сего дня перелагаем на Её Величество королеву Кордулу до тех пор, пока Его Высочество наследный принц Цезарь не достигнет совершеннолетия. Если же Её Величество подарит стране ещё одного ребёнка мужского пола, он будет законным наследником Его Высочества.

¹ Поэтому (лат.)

Handwritten title: *Handwritten text, likely a title or reference number.*

Handwritten text paragraph 1: ... dem Herrn ... auf dem ...

Handwritten text paragraph 2: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 3: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 4: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 5: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 6: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 7: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 8: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 9: ... dem Herrn ...

Handwritten text paragraph 10: ... dem Herrn ...

Также мы выражаем желание, чтобы Её Величество королева Кордула следовала рекомендациям испытанного советника, нашего кардинала Ангельшельма, посланного нам Богом.

Да будет так и да будет славен наш Бог и страна наша, Вшивляндия!

Подписавшиеся:
кардинал Ангельшельм
наследный принц Цезарь
Тщеслав, герцог
князь Быкомлечный, премьер-министр
граф Пах, министр иностранных дел
граф Шелкопряд, маршал
маркиз Нарцисс
князь Сеян
граф Меммид
барон Жопелес
граф Слюнолиз
фон Наведи-Туман
фон Лужаслез

Наследнику престола помогли подписать документ, водя его рукой. Он упрямылся, но на его попытки отвертеться не обратили внимания. Почему? Одно из положений декларации отвечает на этот вопрос.

Когда зачитали «Нарцисс» и «Сеян», раздался зубовой скрежет. Когда же – тихо и с запинкой – произнесли «Наведи-Туман» и «Лужаслез», на лицо придворного поэта легла лишь тихая тень, словно облачко барашком набежало на майское солнце. В первый раз от начала мира во Вшивляндии разрешили избранникам народа, так называемым гениям, участвовать в судьбе государства наравне с небожителями!

Но и с души короля, открытой для радости из-за второй бутылки рома, упал несказанный груз. «У меня будет свобода, много денег – и королевский титул! Я этого не ожидал! А кардинал – простофиля, неужто не знает, что титул «король» это тоже привилегия, причём самая большая? Если номинально я король, то и

фактически останусь королём. Он вообразил, что обезоружил меня, но самое главное оружие осталось при мне, а с его помощью я отвоюю и остальное. Ведь и у монарха, оставшегося без трона, достаточно власти, чтобы наводить ужас, даже если он дурак дураком: ореола королевского величия кулаком не сбросишь. Правда, Людовика Шестнадцатого, Карла Второго и Николая Второго убили... Но моё положение мало в чём изменилось после сегодняшней комедии. Настоящей власти у меня и раньше не было, она была в руках этой шлюхи, Ангельшельма и Сеяна. И так же, как они имели власть раньше, я могу завоевать власть, даже если у меня отняли титул 'Ваше Величество', надо только больше заниматься делами и меньше пить ром и увлекаться гениальными выдумками. Но это на данный момент всё равно: главное, что эта глупая декларация не помешает мне сегодня после полудня... О божественный Змей! Только теперь, когда свершилась эта отвратительная подлость, я понимаю, что ты для меня значишь!»

Теперь на середину выступил кардинал, держа в руке другой документ.

– Насколько можно судить по вашему сияющему лицу, сир, вы цените нашу не заслуженную вами доброту. Так что я надеюсь, что вы подпишете бумагу, в которой откажетесь от королевских полномочий. Это только для порядка... – вот, прошу!

И, положив документ перед правителем, он указал, где подписать.

– Хорошо! – сказал Вшивый, взял документ, развернул, и вдруг у него вырвали бумагу из рук.

– Вовсе не обязательно читать, сир, будет достаточно, если вы поставите подпись. У нас нет времени...

Король снова побледнел. Он прочёл одно слово, ужасное слово: «Sans-espoir».

– Подписать то, чего не прочитал? Это неслыханно! – закричал он, словно помешанный.

– Не раскрывай рта, – завопила королева, переполненная ненавистью, внезапно припомнив ему все

неудачные соития. – Прошли те времена, когда ты мог кричать на меня, отвратительный подлец!

– Но вы хотите упечь меня в тюрьму! – продолжал кричать бедняга. – В Бастилию, в замок Sans-espoir! Я видел, видел, и не пытайтесь возражать! Это ловушка, кардинал, а ты – самый большой лгун, которого видел свет!

– Ха-ха! – рассмеялся священник. – У страха и нечистой совести глаза велики. Да, в этом отказе от престола упоминается название замка Sans-espoir. Но не вы, сир, а некоторые ваши советники отправятся в тюрьму. Не бойтесь, подписывайте!

– Не верю, дайте прочесть!

– Я бы с удовольствием, но нельзя терять ни секунды! – Он ударил в ладоши, и трое лилейных гвардейцев вошли в шатёр. Один из них держал в руках цепи. – Или сейчас же подписывайте, и тогда вас ждёт прекрасная, беззаботная, королевская жизнь, или же заключение, процесс, эшафот! Кто знает, может быть, только моя невинная доброта заставила меня так нежно с вами обойтись, поперёк голоса рассудка, который изо всех сил взывал, «раз и навсегда покончи с дурным королём, губителем страны!» Мне даже приятно, если вы не подпишете – так что выбирайте сию минуту!

Гвардеец с цепью подошёл ближе, цепь зазвенела, и король подписал бумагу.

– Должно быть, он не лжёт, – пробормотал он. – Да, со всей очевидностью... Глупое беспокойство... Беспечная, прекрасная жизнь... «Ваше величество»... Да-да, это так.

– А теперь, – торжественно произнёс сияющий кардинал, – да здравствует наша милостивая, добродетельная, сияющая бриллиантовой чистотой, вечно юная и прекрасная правительница Кордула, виват!

И он опустился на колени перед ванной, а за ним и другие.

– Виват, Кордула! – раздался громогласный клич.

Возвышенный момент! Королева прикрыла лицо платком.

– Благодарю вас, благодарю! – отрывисто сказала она. – Обещаю своему народу быть – всегда заботливой – верной – матерью, – и в заключение она разрыдалась. Лужаслез, стоявший на коленях рядом с Наведи-Туманом в последнем ряду, завыл, как пёс на похоронах хозяина... Наведи-Туман усердно стучал лбом в пол.

– Хрю, хрю, хрю, – подала голос свинья рядом с шатром.

– Заткнись, скотина! – закричала королева, и кардиналу пришлось положить руку ей на плечо. Крик куропатки, внезапный смех донеслись из угла, куда уполз Тщеслав и где он теперь лежал в полусне.

– Bravo, мой наследничек! Ты не такой, как все эти тупицы. И я в твои годы был замечательный парень и знал немало трюков. Смотри, смотри!

Тут он вскарабкался на стол – и читательница уже читала, что я написал.

– Даже кучки перепелиного дерьма! – крикнул Ангельшельм. Герцог в ужасе отполз в свой угол.

Тут раздалось громкое «мяу, мяу» и крик боли. Наследный принц пробрался на всех четырёх в шатёр и, изображая томимого страстью кота, набросился на всё ещё стоявшего на коленях Наведи-Тумана, вонзил зубы ему в шею, обнял его за плечи и, шипя и рыча, стал окочивать обнажённым твёрдым пенисом.

– Ужас, ужас! – стонал старый философ. – Мой возвышенный господин, смилуйтесь над вашим покорным слугой, ой, ой, как больно – нет, это райское блаженство, ужас! Отпустите меня – нет! Пусть вечно продолжается это счастье. Умоляю! Небесный цветок – ангел благодатный – только не выцарапайте мне глаза –

– Перепелиное дерьмо! – кричал кардинал Тщеславу, одновременно стараясь удержать прелести королевы в молоке.

– Ха! – воскликнул дядюшка короля, кидаясь на племянника с оплеухами. – Предатель! Опасный преступник! Чёрный предатель! Вон, вон, исчадие ада!

Вопли боли перешли в собачий вой... Преклонение закончилось. Теперь кардинал повернулся к королю, снова воспрянувшему духом.

– Вам дана полная свобода, сир. Но вы поймёте, что после такого поворота дел в государстве ваше пребывание среди народа могут неправильно понять. Поэтому вы даже с удовольствием согласитесь отправиться на несколько дней в безопасное место, где вам никто не помешает. Теперь же вас, – тут три гвардейца выступили вперёд, – свяжут, потому что по дороге всякое может случиться.

– Свяжут? – король хоть и был пьян, но боролся с беспамятством. – Короля? Которому пообещали полную свободу – ах ты лгун, подлец, негодяй!

– Тихо, я повторяю, это всего два или три дня!

– И я должен тебе верить? Три дня – может быть, меня за это время обезглавят, грязная твоя душа!

– Довольно! Гвардейцы, свяжите его и заткните ему рот кляпом!

И тут несчастный решил поведи себя недостойно, хоть и мудро: он пал на колени перед женой, мучительницей, простить которую было сложнее, чем самого кардинала.

– Моя дорогая, прошу твоей милости! Дай мне время до завтра – или хотя бы три часа! Потом я сам взойду на виселицу, но дай мне лишь три часа на переговоры с тобой, прекрасная! Не прошу ничего иного, как только снова разделить с тобой трапезу! Я любил тебя больше всего на свете, даже больше, чем собственную душу, а то, что происходило между нами в последние годы, всего лишь недоразумение. У тебя благородное сердце; невозможно, чтобы ты так предала своего супруга! Вспомни былые дни, вспомни наши поцелуи, весенние вечера, ночи...

Королева укрыла лицо платьем. У женщин всё же есть сердце или что-то похожее, и этот самый предмет находится у них между ног. Воспоминание о былых ночах охватило её...

Кардинал заметил её нерешительность и решил действовать напрямик:

– Сир, вы зря тратите время! Вашу просьбу невозможно удовлетворить. Свяжите его!

Но реакция на тон его приказа оказалась иной, чем он рассчитывал. Приказ вызвал у королевы раздражение. Она уже давно решила не давать кардиналу над собой воли, тем более, что его пятидесятипятiletнее мясо ей было уже не по вкусу, и вовсе не из-за жилистости. Она воспользовалась моментом, чтобы доказать священнику, что у неё самой есть и воля, и власть, и ответила в ещё более суровом тоне:

– Невозможно, Ваше Высокопреосвященство? Вряд ли, потому что я так хочу, и потому будет, как я повелеваю!

– Вы с ума сошли? – воскликнул он, бледнея. Но сейчас же взяв себя в руки, он прошептал ей на ухо: – Господи Иисусе, я не узнаю тебя, прекрасная, но об этом в другой раз! Неужто ты не понимаешь, как опасно наше положение? Мы словно бы сидим на ящике с динамитом. Твоего мужа поддерживает армия, и ещё больше – народ, пусть не из любви к нему, но из ненависти к нам, клерикалам. Именно ради того, чтобы не раздражать народ, я оставил за ним титул короля в моей декларации. Если он останется здесь и сможет поговорить с солдатами, не кажется ли тебе – ведь женщины уповают на чувство, а не на мысли – что этот случай может оказаться искрой в ящике с динамитом?

– Никто не будет с ним разговаривать, его будут держать под стражей!

– Слух о том, что его здесь держат под стражей, может повлечь за собой нашу гибель!

– Глупости! Кроме того, такой слух не распространится, если ты будешь действовать с умом. Пусть отсюда выедет карета; мы скажем, что король, устав от забот по управлению страной, уехал на свои загородные владения сажать репу и разводить баранов на шерсть. И вообще, Бенедикт, не срами меня перед людьми, не забывай, что это я королева, а не ты, и не скаль зубы; три раза за ночь, и не меньше, у тебя должен стоять, и разгладь морщины на своём лице, потому что мне так хочется. Да, да, и не бледней, фу! Я – королева! А ты – кто ты такой, сын

скорняка! Какие ты строишь мины – ха-ха-ха! Вот ещё что я тебе скажу: финансы, сельское хозяйство и систему образования я с радостью оставляю в твоих руках, можешь забрать себе всю политику, если тебе так хочется, но все важные решения, например, объявление войны, я буду принимать сама, заруби себе на носу! И прежде всего я запрещаю тебе вмешиваться в мои частные, в мои семейные отношения!

– Моя прекрасная, ты, ты...

– Лучше молчи! Никогда не видела травы зеленее твоего лица, ха-ха-ха!

– Довольно, это перешёптывание компрометирует нас. Моя дорогая, ты, как и все женщины, в отношении политики полный дальтоник. Я должен взять политику в свои руки, а при этом не вмешиваться в вопросы управления страной? Ужас, что ты говоришь! И неужто ты думаешь, что оставить короля здесь всего-навсего частное дело?

– Дорогой Бенедикт, это просто смехотворно! Как может быть политическим дело то, что я сегодня поужинаю с моим мужем? Все мужчины такие идиоты! В общем, решено: мой муж сегодня обедает и ужинает со мной, а ночью он в последний раз со мной спит – не гримасничай – всё же лучше он, чем ты!

Смертельно бледный, священник отвернулся, помышляя о злодейских убийствах, яде и тому подобных вещах. В этот момент он случайно наткнулся на Наведи-Тумана.

– Где твои глаза, скотина? – зарычал он на философа. Но сейчас же маска ледяного спокойствия легла на его лицо.

– Если Ваше Величество желают, я с большой радостью подчиняюсь. Пусть политически неоправданный, шаг Вашего Величества с человеческой точки зрения вполне объясним. А великодушные, в конечном счёте, разумно, ведь миром правит бог.

Уважаемое собрание! Благородные герцоги и князья, графы, маркизы, бароны, рыцари! Милый Разбери-Туман, дорогой Плошкаслез – или как вас зовут?

– Лужаслез, позвольте доложить.

– Хорошо, Чашкаслез! Так вот – вы совершили великое деяние, но большая часть работы ещё перед нами; захватить страну сложно, но удержать сложнее. Пусть каждый делает, что может! Граф Быкомлечный, напишите торжественное обращение к народу, обещайте всё, что в голову придёт – понижение налогов, цены низкие, как в средневековье, шестичасовой рабочий день, всеобщую амнистию и т.д. Граф Пах, объявите Тупляндии, так и рвущейся захватить побольше земель, что я готов вступить в переговоры о пограничных районах Вшивляндии, если Тупляндия признает наше правительство. Великой Дуринии и Малой Скотинии объявите, что мы готовы официально признать, что жители Голь-Вшивляндии и Коль-Вшивляндии нам не кровные братья, а Великой Скотинии, что мы не против принять их протекторат, если они признают нас государством. Князь Шелкопряд, займитесь особами, близкими ко двору! Пообещайте герцогу Гансу Пиявка-Пьяну, что его брата отправят в сумасшедший дом, а сам Ганс будет управлять имением; принцу X. пообещайте, что королева одобрит его мезальянс с развратницей из оперетты; а безбожного, ни перед чем не останавливающегося принца Лукиана прикажите сегодня же отравить. Граф Меммид, всем офицерам, которые сегодня ещё не признали нашего правления, заткните глотку или деньгами, или шпагой, а солдатам обещайте больше маркитанток, водки, разграбления повстанческих городов, вечного мира и повышения жалования. Барон Жопелес, не жалейте казны, и собственных денег не жалейте тоже! Мы восполним казну и отблагодарим вас повышенными налогами, конфискациями, монополиями, привилегиями, ассигнованиями, новыми трастами, синдикатами, мы напечатаем миллиарды новых купюр; княжеский титул уже почти что ваш; ... э, Разведи-Туман, или как вас зовут?

– Наведи-Туман, извольте доложить.

– Правильно, Разгребь-Туман! Вам сегодня поручается сделать доклад в обществе свободомыслящих

философов под названием «Вечный категорический императив требует преклонения перед властью, кто бы эту власть ни представлял». Если вы и не убедите свою публику, то наверняка вгоните её в сон, а нам и это сегодня на руку. А Ложкаслез, чтобы не зря ел хлеб, пусть напишет сегодня ночью оду в честь королевы и меня самого и пусть завтра зачитает её перед войском. Вы, граф Слюнолиз, распространяйте слух, что я собираюсь провести выборы, этого будет уже достаточно, чтобы ваша команда подчинилась нам. А вы, маркиз Нарцисс, убедитесь – и тут его голос дрогнул – в верности преторианцев, и распоряжайтесь этим корпусом, как вам будет угодно. Большая часть ваших офицеров уже на нашей стороне, но на некоторых ещё нельзя полагаться, как и на солдат. А вы, князь Сеян, во всём помогайте маркизу Нарциссу.

– Я не ослышался? – воскликнул Сеян. – Помогать ему? Что я, его слуга? Он будет распоряжаться преторианцами? Тысяча чертей! Не забыли ли вы, кардинал, что обещали сделать меня главнокомандующим не только преторианцев, но и Лилейной гвардии, если только я предам короля? Чёрт побери, что за подлость!

– Не кричите так! – крикнула королева из ванны. – А то с вами будет разговор короткий!

– Князь, – ответил иезуит, – да, я обещал назначить вас главнокомандующим, но, припомните-ка как следует, сказал ли я, когда вы им станете? В будущем это может случиться, будущее не скупится на подарки. Но если бы это произошло прямо сейчас, что бы вы подумали о моих умственных способностях? Помните ли вы своё прошлое? Вашу ненависть ко мне? Оскорбления самой королевы? И так, как вы предали короля – так же можете предать и нас. Но я надеюсь, что неверность не главное качество вашего характера. Мы хотим в этом убедиться, и тогда уже посмотрим!

– Ты, поп, ты проклятый... но нет, лучше я промолчу! – крикнул солдат охрипшим от ярости голосом. – Но – но – погоди у меня! Если б я знал...

– «Если б я знал» – слова, недостойные настоящего мужчины! Имейте в виду, на этот раз я забуду ваши оскорбления, если вы будете служить мне верой и правдой. Вы знаете, что пути назад нет, вы добьётесь в лучшем случае только того, что пожертвуете своими людьми. Так как же, князь?

– Я буду верно служить королеве, – прохрипел Сеян и снова заскрипел зубами.

– Рабыни! Несите платье! – крикнула королева, поднялась и вышла из ванны, прижимая красный платок к тощим прелестям. – Желаю вам приятного аппетита, господа!

Благородные господа с глубокими поклонами один за другим покинули шатёр. Король встретился взглядом с Сеяном – взгляд был такой красноречивый, что король вздрогнул от радости.

«Он снова на моей стороне! – сказал он себе, оставшись один со стражей в опустевшем шатре. – Если он ещё не разболтал о моих сегодняшних переговорах со слепым Змеем, то будет молчать и впредь. Всё ещё может получиться, должно получиться, моя хитрость должна сработать, я знаю свою жену. О, тысячу раз проклятая сволочь! Ты обязана мне всем, а как ты со мной обращаешься! Задыхаюсь... Но кто знает, чем ещё кончится этот дворцовый переворот. Не сомневаюсь: он ещё обернётся моей победой и послужит моей будущей славе! Мучения, которым она меня подвергла, были нужны для того, чтобы развить во мне волю и силу. Потому что я чувствую, что в решающий момент не нашёл бы в себе сил подать сигнал трубачу. Всё утро меня преследовало это тёмное, гнетущее чувство, хоть я и внушал себе, что справлюсь. Да, я могу хладнокровно, как мальчик, сбивающий палкой цветки с мака, приказать удавить сотню невинных людей, но королеву – мою жену – и этого сатану кардинала? Так обычные люди могут убивать животных без числа, но убить человека способны не многие. Но теперь я знаю, что сегодня не дрогну на Чёртовой вершине. Если не гнев и жажда мщения, то мысль о том, что пути назад нет, сделают

меня героем. Я не тешу себя иллюзиями: в когтях Ангельшельма и этой мегеры я рано или поздно обречён на смерть.

Либо эшафот, либо солнечное будущее, неведомое смертным: нет места сомнениям. Ха, жалкие псы! Вы думаете, что строите себе дорогу в заоблачные выси, а на самом деле сами роете себе могилу! Господи, преклоняюсь перед неизмеримыми безднами твоего провидения! Смелее, смелее! Не сомневаться, не робеть, не увиливать, не предаваться тяжёлой, как свинец, мысли, что я не справлюсь. Не отворачиваться – это и есть вся сумма мудрости, мистическое ядро мира! Всё на свете возможно, когда бы не проклятая мысль – 'не получится'. Успех всего лишь иллюзия. Вперёд, навстречу величию, высоте, навстречу слепому Змею!»

Вскоре он уже сидел за столом, обедая со своей женой. Кроме них в шатре были только кардинал и Сеяна. Ангельшельм боялся Сеяны, жалел, что слишком далеко зашёл, и пытался теперь загладить свою бесцеремонность преувеличенной вежливостью. Но каменное лицо старого вояки оставалось мрачнее смерти.

Королева же была снисходительна к супругу, как никогда. Из жалости ли, из стыда или нечистой совести? Или, может быть, из презрения, свойственного муравью, оскорбившему себе подобного? Из осторожности? Смутно подозревая, что ещё настанет момент, когда её жизнь будет зависеть от его милости? Разумеется, по всем названным причинам, а ещё из других, невыразимых словами соображений.

У короля снова пропала смелость. «Даже если Сеяна ничего не сказал о наших переговорах со Змеем, четырёхста солдат видели его, слышали наши разговоры, и наверняка не все солдаты молчали. Целая армия уже в курсе дела, а всезнающий кардинал и подавно. А если они знают, то ни за что не дадут заманить себя в Адские горы. Нет, всё потеряно!» Уже минуло два часа дня, и нельзя было терять ни минуты, а растерянный монарх дышал прерывисто и не знал, с чего начать. Вместе с тем, он понимал, что нельзя выдавать, что он торопится.

К счастью, ему помогла королева:

– Не расскажете ли, любезный супруг, чем была вызвана ваша сегодняшняя поездка?

– Я искал слепого Змея!

– А! А зачем вы его искали?

– Хотел только убедиться в том, что он убрался во-свояси. Когда я проснулся сегодня утром, меня охватил страх, что он может вернуться и разрушить наше королевство. Наверное, мне приснился страшный сон о нём. Я хотел отыскать его, чтобы сказать ему, что мои вчерашние слова, произнесённые в опьянении, не надо воспринимать всерьёз.

– Как вы разумны сегодня... И нашли ли вы Змея?

Решающий момент! Король окинул взглядом всех сидевших за столом. Кардинал сидел с равнодушной миной, думая, по всей видимости, о рябчике, которого жевал; лицо королевы тоже ничего не выражало, даже особенного любопытства. А Сеян кивнул королю со значением, и Его Величество словно бы прочёл в его лице: «Не бойся, они ничего не знают!»

– Нет, не нашёл ни следа Змея! – твёрдо ответил он. Враги сидели всё с теми же равнодушными лицами. «Ура! – воскликнул король в душе. – Это уже полпобеды. Они ничего не знают, слава богу. Если бы моя мегера что-то знала, сколько яда пролилось бы из её отвратительных глаз! И крысиная морда кардинала наверняка перекосилась бы, он слишком злобен, чтобы уметь скрыть свои чувства.» И он пошёл напрямиком к цели:

– Я забрался на вершину в Адских горах и убедился, что чудовище покинуло нашу землю. Наверное, оно уползло в нору, вырытую адскими собаками.

– Я думаю, что оно скорее рассеялось в воздухе, само только игра воображения, призрак...

– Что касается его вещественности, то Змей не более призрак, чем мы сами, – заметил Ангельшельм. – Призрак только то, что вы себе об этом Змее нафантазировали, Ваше Величество.

– Очень метко, господин кардинал! – ответил довольный король. – Так что его нигде не было видно, от

Гималаев до океана Замбези, от Львиной долины до самой Стояндии.

Но вместо Змея я обнаружил нечто прекрасное, нечто несравненное, – и тут он замолк, изображая испуг и восторг.

– Что, что вы нашли? Почему вы вдруг замолчали?

– Я – я решил не говорить вам ничего, а вот всё-таки у меня случайно сорвалось.

– Зачем вы что-то скрываете от супруги? Говорите, я приказываю!

– Если вы приказываете, так тому и быть! Ах! Так вот: на вершине горы я нашёл отшельника. Он живёт там в пещере, питается мхом, ящерицами и жуками. Когда я увидел его, он проповедовал горстке благочестивых слушателей великолепие бога и небесную мудрость людей, умерших с богом. Я стал слушать, позёвывая; моя тень далеко тянулась передо мной, и вдруг я заметил, что тень почти исчезла. Три часа пролетели, как секунда, но в эту секунду я побывал на небесах, как Мухаммед.

Прости, дорогая, что я не могу описать тебе эту проповедь в подробностях, это превосходит человеческие силы.

До той минуты я не знал, что такое проповедник, святой, великий человек. Невозможно услышать этого анахорета и не уверовать. О, если бы ты видела, какие лица были у слушателей! Слёзы катились у них по щекам, некоторые корчились на земле, как змеи, а двоих даже настигла святая смерть.

– Хочу услышать этого человека! – с воодушевлением воскликнула королева. – Как вы посмели молчать о нём, вы же знаете, какая я праведница!

– Ах, если бы – но об этом позже. Когда он закончил проповедь, он подошёл ко мне, и я, хоть и король, пал перед ним на колени. Его взгляд проник в самые тайные недра моей души. Мне казалось, будто мой дух покинул меня и другой, чистый, возвышенный и прекрасный дух объял моё тело. 'Милый, бедный, бедный король, – сказал мне проповедник небесным голосом. – Дома тебя ожидает суровое испытание, я читаю судьбу в твоих глазах...'

– Какое чудо! – крикнула королева вне себя от восторга.

– 'В твоих глазах... Да – несчастье, как говорят люди, ожидает тебя, но твоя вечная душа будет спасена...' И он продолжал глядеть мне в душу, и слёзы текли по его лицу. 'А твоя небесная, ангельски прекрасная жена, – вздохнул он, – о если б она знала, что её ожидает!'

– Господи боже, что? – воскликнула королева, побледнев.

– Я тоже задал ему этот вопрос, но он не стал отвечать. 'Нечто ужасное' – вот и всё, что он сказал. Но я не хочу тебя пугать. Может быть, даже этот великий провидец заблуждается.

– Нет, нет! – не согласилась королева. – Продолжайте, а то я рассержусь!

– Только несколько несвязных слов пробормотал он: 'Прежде, чем луна трижды сложит рога... морское чудище выйдет на сушу... склепы – летучие мыши – баран с тройной мошной – синяя верёвка...' Вот и всё.

– Спаси, господи, мою душу! Он прав, мне сегодня снились склепы и медленное гниение моего тела; снился и баран, но не знаю, была ли у него тройная мошна. Может быть, это вообще была овца, а если и не овца, то другое животное! Пророки не ошибаются, господи Иисусе! – она заломила в отчаянии руки.

– Успокойся, милая, возможно, твоё спасение ещё возможно. Слушай: 'Бог наказал мне не рассказывать тебе всего, что свершится, – так продолжал отшельник, – но возможно, я сумел бы прочесть в глазах Её Величества нечто, что я смог бы рассказать только ей и что спасёт её от неминуемой участи. В книге судеб предначертано, что эта благочестивая женщина умрёт внезапной смертью, не исповедовавшись и не приняв последнего помазания!'

Королева опустила на землю и стала рвать на себе волосы, рыдая.

– 'Но, возможно, божественное указание ещё изменится, – так говорил он, и глаза спасителя свято сияли. – Если королева сегодня посетит меня (а я должен покинуть эти горы в три часа семнадцать

минут тринадцать секунд и отправиться в Тупляндию), то я, может быть, ещё спасу её бессмертную душу с божьей помощью,' и когда он произнёс эти слова, его фигура вдруг выросла до неизмеримой высоты. 'Если она придёт, взойди ко мне на вершину и предупреди меня, чтобы я подкрепил свою душу великой молитвой...'

– Колесницу! Самых быстрых коней! – возопила королева. – О, мой верный супруг, если всё получится, я буду очень вам благодарна. Я позабочусь, чтобы у вас всегда было довольно рома и чтобы кардинал не смел тронуть и волоска на вашей голове.

– Ваше Величество, – вмешался священник, – пожалуйста, оцените происходящее здраво! Эта история звучит слишком уж как по писаному и, скажем так, подозрительно. Сплошные чудеса, разве вас это не настораживает?

– Такие речи непозволительны для опоры церкви! – воскликнул король, торжествуя триумф. – Что иное жизнь Христа, апостолов и святых, как не цепь чудесных событий?

– Вот именно! – пришла ему на помощь королева. – И ещё мне кажется, милый кардинал, что ваша набожность и вообще не более чем личина, под которой кроется самый заядлый атеист! Неужто вы не желаете моего спасения? Это не входит в ваши планы? Что? Что за дьявольский смешок? Ах, я знаю, что с вами моя жизнь в опасности. Возможно, святой человек предсказал мою смерть от вашей руки!

– Было бы очень глупо с моей стороны отвечать на ваши нападки. Подумайте, не интрига ли вся эта история. Король, которого только что лишили власти, вполне способен на интригу, не так ли?

– Да что бы я мог придумать? – тихо и смиренно произнёс король. – У меня нет поддержки, я в полной власти у вас, под стражей, захвачен врасплох, так что у меня не было ни времени, ни возможности устроить заговор. Я потерял всё – и только думаю о спасении своей души и о спасении моей дорогой супруги.

– И тем не менее, вы не хотели рассказывать ей этой истории, пока она вас не принудила!

– Это правда! – крикнула королева. – Вы так долго молчали, что мы чуть не опоздали ехать к пророку! Колесницу, коней, скорее! О, если мы опоздаем, тогда смотри у меня, злодей! Почему ты так долго молчал, отвечай!

Король смотрел на землю, горько плача.

– Ах, как жалок человек! Низок и достоин проклятия! Я был почти готов пожертвовать собственному тщеславию самым дорогим, что у меня есть – тобой! Неужели я неисправимый грешник? Смотри, милое моё солнышко, я думал, что если ты поедешь к отшельнику, то я тебя потеряю! Не то чтобы я боялся, что ты будешь мне изменять – для этого я слишком хорошо знаю твоё чистое страстное целомудрие (о, недурно сказал). Но мне было страшно, что образ этого божьего человека может вытеснить, погасить мой образ в твоей душе так, как солнце разгоняет лунные лучи на омытом росой лице земли. Простишь ли ты мне такой дьявольский эгоизм? О, если бы ты знала, как я тебя люблю, несмотря на все недопонимания, я буду любить тебя вечно!

И из его глаз снова хлынули слёзы, словно Ниагарский водопад. Королева утёрла глаза, и – может быть – пожалела о содеянном.

– Нет, нет, – прохныкала она, – а как он, на самом деле, выглядит?

– Ещё очень молод, примерно лет тридцати пяти. Ангельски прекрасен лицом, возвышенно привлекателен. Аполлон Бельведерский, не побоюсь сравнения. Высок и статен, и, должно быть, во всех отношениях очень силён...

Королева вскочила, сорвав скатерть со стола, так что все тарелки, бокалы, соусы и разносолы полетели во все стороны.

– Так где же колесница? Рабыни! Ко мне! Уложите мне волосы, насурьмите щёки, несите скорее подушки подоткнуть под лифчик!

Кардинал понял, что словами тут не поможешь, только делом.

– Трёх преторианцев ко мне! – приказал он. – По очереди!

Вошёл первый.

– Видел ли ты в Адских горах огромного слепого Змея? – спросил кардинал, встав между преторианцем и Сеяном.

– Огромного Змея? Нет... нет, я ничего не видел.

– Ваше недоверие смехотворно! – сказала королева, а король чуть не упал в обморок.

– Вон! Следующий!

– Колесница ждёт, – доложил камердинер.

– Я тоже – фата – духи между ног – гвоздичку в рот – скорее, уже полтретьего!

– Скажи мне, – спросил кардинал, – когда король разговаривал сегодня с огромным Змеем?

– Когда?... Что? Когда? Что?

– Ты что, ума лишился, что не можешь ответить на такой простой вопрос?

– Ваше Преосвященство, я не видел сегодня никакого огромного Змея. Может быть, другие видели, но я – нет!

Королева засмеялась.

– Мне кажется, что вы немного ревнуете. Ревность не прибавляет ума, как видно по всей вашей фигуре. Так что же, вы едете с нами, или так и будете расспрашивать преторианцев?

– Я был бы очень рад, если бы вы поехали с нами! – сказал король. – Вы наверняка извлечёте пользу из разговора с отшельником.

– Я поеду потому, что я в ответственности за вашу безопасность, мадам, и мне кажется, что есть причины для беспокойства. Дай бог, чтобы мои страхи оказались беспочвенными! Нарцисс и два отряда Лилейной гвардии, Сеян и отряд преторианцев и Меммид со своим полком пусть следуют за нами!

Кардинал прыгнул в колесницу, где уже сидели король с королевой. Быстрее ветра помчались они в сторону синееющих у горизонта Адских гор.

Все складывалось как нельзя лучше. Кроме двух главных врагов – супруги и кардинала – с королём

поехали все, кого ему следовало опасаться: Нарцисс, глупый, но влиятельный, его враг, энергичный Сеян, пусть и союзник теперь, но, возможно, опасный соперник в будущем, и Меммид, командир повстанческой армии. Колеблющегося герцога Быкомлечного ему было нечего бояться, как и Шелкопряда – тот вечно на побегушках. Главное – избавиться от основных фигур, а о дядюшке Тщеславе или наследнике престола не стоит и говорить.

Как случилось, что оба преторианца сказали, что не видели, чтобы король разговаривал со Змеем, хотя у Сеяна не было времени поговорить с ними, прежде чем их стал расспрашивать кардинал? Всё просто: уже на пути домой из Адских гор Сеян решил на измену и запретил солдатам говорить о том, что они видели. Сеян надеялся в нужный момент сам всё рассказать кардиналу и тем заслужить доверие. Он бы так и сделал, не оскорби его кардинал, и orbis terrarum сегодня выглядел бы по-другому... Кардинал вёл себя умно – но не мудро; ведь мудрость знает, что ум и разум ничего не стоят перед лицом господина, и что только совершать дикие прыжки – мудрое и достойное занятие, основной принцип морали. Если бы он вместо речи к Нарциссу громко пукнул или, как гениальный принц, по-кошачьи схватил Сеяна за шею и засмеялся, о, что бы тут было! Но не заключаешь из этих слов, милая читательница, что падение кардинала и королевы Кордулы неминуемо и что их раздавит Змей в страшных горах. Наоборот! Лучше порадуйся, что этот роман от начала до конца только дразнится – так же, как тебя всю жизнь дразнит бог, мир, твоё собственное существование и вся бесконечность.

Конец третьей главы

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Адские горы приближались; вначале синие, теперь они посерели. Посерело и небо, которое утром было синим и безоблачным, а к вечеру словно превратилось в пепел, будто белое солнце пролилось по всей его поверхности. Тихо, душно и угрожающе лежала замершая природа, а в её сокровенном, беспросветном, мистическом лоне сидела серая смерть...

– Мне так странно, – прошептала королева. – И страшно... И холодно, будто наступила ночь. Могильный холод, настоящая могильная ночь. Фу! Фу!

– Мне тоже как-то не по себе, – сказал кардинал. – Может быть, это предчувствие большого несчастья, которое вот-вот случится с нами?

– И я ощущаю что-то похожее! – воскликнул король. – Не вернуться ли нам назад, о супруга?

– Тьфу, трус! Но ты лжёшь, это просто твоя ревность не даёт тебе покоя. Уже почти три часа, боже! Быстрее! Развяжите коням крылья, авось не разобьёмся!

Цепь Адских гор поднялась выше над горизонтом. Горный хребет казался страшнее, чем дракон, в чью пасть должны прыгнуть бедные жертвы. Уже можно было различить опасные обрывы, ужасающе изборождённые, словно лицо дьявола, которое искажают боль, злость, насмешка, отвращение, ярость и муки совести. Ни кустарника, ни дерева вокруг, вокруг каменная мёртвая пустыня и смертельная духота. Только над линией горизонта на северо-западе парит небольшое облако, прозрачное, словно привидение.

– Господь бог наш на небесах, – послышалась молитва сквозь стук зубов.

– Что, дорогая, всё никак не справишься с беспокойством?

– Мне всё страшнее и страшнее. Всё вокруг пугает меня. Ваши лица словно мины чертей, мучащих меня в преисподней, а скрип колёс напоминает мне звук комков земли, падающих на гроб, на мой гроб, и даже мой собственный голос ужасает меня, как будто это не я говорю, а чужое привидение. В моих ушах звучит, не прерываясь, мелодия, которую я однажды уже слышала в детстве, когда меня коснулся ангел смерти. Эта мелодия словно встала из могилы моей памяти, чтобы мучить меня. О смерть! Пытка пыток!

– Вероятно, дорогая, это всего лишь влияние призрачной духоты, а ещё воспоминание о твоём сегодняшнем сне о могилах и баране или овце. Или, может быть, ещё каком-нибудь подобном чудовищном животном! – утешил королеву супруг, дрожа от нетерпения.

– Ого, как ты дрожишь! Может быть, у тебя нечиста совесть?

– Если это преступление – дрожать о близком существе, которое дрожит от страха, то я самый преступный преступник на свете. Но давай вернёмся, если тебе так страшно!

– Я присоединяюсь к королю, – сказал кардинал, и сам отчётливо дрожа.

– Вот же два труса! Я почти поддалась искушению повернуть назад, но мужская трусость иногда придаёт женщине отваги. Будь что будет – скорее вперёд!

Адские горы врезались в небо, их отвесные обрывы хохотали, словно молох при виде группки детей, которых привели ему на съедение. Приглушённый гром послышался в отдалении. Колесница обогнула выступ скалы и вдруг остановилась, раскачиваясь из стороны в сторону. Возница испуганно вскрикнул.

Кардинал выпрыгнул из колесницы, не обращая внимания на королеву.

– Что случилось? – воскликнул он, бледный как простыня.

– Не знаю, – ответил возница. – Кони не хотят идти дальше, упираются, что-то их пугает. Наверное, на дороге впереди стоит привидение!

– Глупости!

– Господи Иисусе! Вы видите? Видите? Ужасно!

– Что там такое? Я ничего не вижу! – крикнул король.

– Невозможно! Ужасная, высокая фигура, наполовину скелет, и мясо отваливается от его костей, это, должно быть, два месяца пролежавший в земле мертвец встал из могилы. Он стоит перед нами, раскрыв объятия, сама смерть! Смотрите – вон он! Исчезает, испаряется, ох!

Она опустила на дорогу, заваленную камнями. Они остановились как раз на границе того плато у подножия горы, на котором утром решалась судьба королевы.

– Это тебе привиделось, – попытался успокоить жену король.

– Но и лошади видели! – возразил кардинал. – Предчувствие не обманывает нас. Если мы поедem дальше, моя королева, нас ждёт верная смерть. Может быть, где-то рядом скрываются солдаты Тупляндии, это хитрость Его Величества!

– Да, да, давайте вернёмся! – воскликнула королева.

– С удовольствием! – весело сказал король. – Но разрешите мне, так называемому трусу, сказать несколько слов. Во-первых, не исключено, что возбуждение королевы передалось лошадям. Им привиделось нечто, что привиделось и королеве, потому что лошади восприимчивы, они легче поддаются влиянию, чем муравьи. А если у этого видения и есть действительное значение, то вот как я его объясняю: тёмные силы, которые намереваются свести королеву в могилу, делают всё возможное, чтобы помешать её встрече со святым человеком. Они предсказывают ей близкую смерть, чтобы привести её к смерти потом, но зато наверняка. При этом они рассчитывают на женскую слабость...

– Да, может быть, я проявила слабость, – энергично сказала королева.

– Что касается армии в Тупляндии, то неужто вы думаете, кардинал, что целая армия стала бы скрываться в этих горах, чтобы убить одну-единственную королеву? Это был бы самый неслыханный эпизод во всей новейшей истории. В самом крайнем случае, в Тупляндия возьмёт королеву в плен. Именно потому, что тупляндцы слывут варварами, они стараются вести себя, как цивилизованные муравьи. К тому же, вы сами знаете, кто из нас двоих больше склонен к тому, чтобы вступать с тупляндцами в переговоры. Вам известно, что мне никогда и в голову не приходило уступать Тупляндии пограничные регионы, и вам также известно, что мою жену охотно принимают при тупляндском дворе. Вспомните о своих интригах против меня три года назад и держите своё воображение в узде, не покоряйтесь страху!

– Даже если тупляндская армия ни при чём, слепой Змей может, тем не менее...

Король рассмеялся в ответ и повернулся к жене:

– Пусть моё жалкое внутреннее чувство приказывает мне вернуться назад, чувство долга и любовь к тебе зовут вперёд! Ещё несколько шагов – и ты спасена! Видишь ли ты эту скалу перед тобой? На её вершине ждёт твой спаситель. При виде его рассеются все привидения, как туман в лучах солнца.

– Я его вижу, вижу! – вдруг воскликнула королева в экстазе. – Его огромная фигура нависает над вершиной горы. Вот он исчез, но даже издалека он исцелил мою душу! Что же будет, когда я увижу его вблизи! Едем дальше, я решилась.

– Смотрите! – сказал Ангельшельм, указывая на запад.

Над лесом поднялось огромное синее облако дыма, а за ним второе, ещё больше, чем первое. Прогредел гром. Повеял свежий ветерок, и дымное облако призрачно быстро приблизилось к группе у подножия горы.

– Похоже, в Тупинии горит лес или город, – заметила королева без тени страха.

– Если только это не сигнал! – сказал кардинал. – Или нас хотят спалить. Дым уже здесь, скоро будет и огонь... Что за чёрт! Пахнет табаком!

– Действительно, чистый табак! – удивилась королева. – Что за исполин курит там за лесом?

– А вдруг это слепой Змей, – сказал Его Преосвященство.

– Дорогой кардинал, – засмеялась королева, – я вижу, что вы сегодня взяли на себя роль придворного шута. Как бы Змей, у которого нет рук, мог набить трубку и закурить?

– А как он жил без глаз тридцать тысяч лет? – возразил кардинал.

«Проклятое змеиное отродье! – выругался в душе король. – Несмотря на мой запрет, курит, хотя уже давно три часа. Полное отсутствие уважения, я его непременно накажу. Я уже давно заметил, что он не признаёт дисциплины. Что хочет, то и делает. Я не был бы король, если бы стерпел такое неповиновение. И всё-таки меня порадовал этот знак моего товарища! И не меньше меня радует то, что трубач стоит на вершине горы. Я ужасно боялся, что Сеян мог отменить мой приказ и послать трубача домой. Это был бы конец! Но он тут! Нет второго такого высокого солдата во всей моей армии. Ха-ха, моя мегера обрадовалась, когда увидела своего палача.» А вслух он сказал:

– Наверное, в Тупляндии горит склад табака. Там теперь господствует мнение, что во всех бедах муравейства виноват один лишь никотин, а поскольку Тупляндия так любит вводить реформы (а там и правда есть что реформировать), то немедленно приговаривает виновных к сожжению.

– Не так уж они там тупы, всё-таки. Скорее продали бы этого врага муравейства соседям с выгодой для себя.

– Хватит болтать! – вмешалась Кордула. – Дорогой супруг, пойдите теперь к отшельнику, и по вашему знаку я поднимусь за вами. Мы же подождём здесь. Через это поле камней всё равно не проедешь. Скорее, скорее, пока он не ушёл! А то меня убьёт молнией в его пещере.

Молнии теперь сверкали одна за другой, раскаты грома не прекращались, пусть и приглушённые. Солнце спряталось за серой завесой облаков, и Кордула снова

задрожала. Тем временем, все войска уже доехали до преграды и встали поодаль. Только Сеян, Меммид и Нарцисс по указанию кардинала подошли ближе.

– Четыре отряда по тридцать человек на все четыре стороны света! Пятьдесят всадников, расследовать причину дымового облака! Окружить гору перед нами! Два сильных и проворных гвардейца пойдут с королём на вершину горы!

Кардинал отдал приказ, а король побледнел. Он надеялся, что ему разрешат взобраться на гору одному. Сопровождение гвардейцев грозило разрушить все его планы, потому что с высоты они с лёгкостью могли заметить Змея и сообщить кардиналу раньше, чем удастся взлезть на гору и дать знак трубачу. Он знал, что уже на высоте пятидесяти муравьиных метров станет виден змеиный хвост, а на середине горы Змей будет виден во всю длину. Гора эта была высотой около двухсот пятидесяти метров, то есть, чтобы освежить шкалу в памяти читательницы, около двадцати пяти человеческих сантиметров.

– Но отшельник сказал, что я должен прийти к нему один! – возразил он.

– Отшельник не распоряжается Вшивляндией. Мы не можем позволить Его Величеству идти одному, без стражи, – сказал кардинал королеве. – На горе множество пещер, расщелин, в которых можно спрятаться, возможно, даже подземные ходы. Если сегодня королю удастся скрыться, он завтра же устроит контрреволюцию, и не пройдёт и недели, как нас всех казнят, а его мечта сбудется!

Королева согласилась. Но король ещё пытался сопротивляться.

– На этой горе нет ни расщелин, ни подземных ходов. Я даю честное слово, что я вернусь!

– Не два, а четыре гвардейца пойдут с вами, сир! Ваша настойчивость крайне подозрительна.

Король промолчал, но в душе простился с надеждой.

– Не отпускайте короля ни на шаг, – прошептал кардинал гвардейцам. – В крайнем случае, используйте

оружие. Если вы заметите что-нибудь подозрительное, особенно вчерашнего Змея, сейчас же кричите нам! Вы жизнью отвечаете за короля. А теперь идите, сир!

Монарх быстро зашагал через огромные глыбы, некоторые из которых достигали размера овсяных зёрен. Четыре ангела-хранителя шагали у него за плечами. Ветер и гром утихли, но грозовые облака всё ещё покрывали небо. Торжественная тишина сопровождала великое событие, такая полная тишина, что стал слышен стук королевского сердца.

Они стали карабкаться в крутую гору. В тот же миг в лесу исчезла кавалькада, которую кардинал послал разведывать причину дыма.

– Этих мне нечего бояться! – сказал себе король. – Пока они вернутся, я шесть раз поднимусь и спущусь с горы и подам знак трубачу. Опасность грозит только со стороны гвардейцев. Что бы сделать, чтобы отвлечь их внимание от Змея? Много говорить, указывать на что-то с противоположной стороны – только это вряд ли поможет. Они же не слепые. В крайнем случае я попробую бежать, заколю их кинжалом. Но куда мне, старику, сражаться с четырьмя молодцами! Всё потеряно, а цель так близка! Через четверть минуты они уже заметят хвост, встанут и закричат: 'За лесом прячется Змей!' Потом они спустятся вместе со мной в долину и отдадут меня под суд кардинала. Потом ярость королевы – цепи – эшафот или голодная башня и цианистый калий. Всё потеряно!

И слёзы покатались из его глаз.

Когда человек карабкается на вершину горы в двести пятьдесят метров высотой, не слишком расходуя силы, ему нужно около получаса. Но муравью нужно всего полминуты. Король, правда, шёл гораздо медленней, потому что его возраст и полнота мешали ему идти быстрее, как и то, что он едва стоял на ногах от возбуждения. К тому же, он считал, что королю не подобает быстро ходить.

Пятьдесят метров. Король начал читать конвою лекцию по истории Великой Скотинии и Грязинии, но

заметил, что они всё равно всё больше смотрели в сторону Тупляндии. И он тоже со страхом взглянул в ту сторону, но хвоста не увидел!

Как это было возможно? Он не знал, радоваться или огорчаться. «А, не буду вообще об этом думать! Всё в руках божьих. Если он того хочет, всё и так случится, а не хочет, отпраздную поражение». И он ускорил шаг.

Сто метров. И по-прежнему ни следа Змея! «Скотина поменял позицию и теперь никогда не найдёт правильного направления! Ах! Так или иначе, все мои планы насмарку!»

Сто пятьдесят. По-прежнему ничего! «Наверное, он уполз, покинул меня, предал. Но нет – он всё ещё курит где-то за лесом. Но может быть, он просто поджжёт кiset с табаком, прежде чем скрыться, чтобы обмануть меня!»

Двести. Змей не показывался. Но зато за облаком дыма теперь стало видно что-то странное. Дым расстился по поверхности земли, но внизу его завеса была тонкая и рваная, и за ней виднелось нечто высокое, круглое, зеленоватое, золотистое и в коричневую крапинку. Гвардейцы тоже сразу заметили этот предмет.

– Это стог сена! – сказал гвардеец А. – Его поджжёт бродяга, но сено не горит, потому что мокрое, а только тлеет и дымит.

– Ах, какие стога в Тупляндии! – выкрикнул Б. в экстазе. – Гораздо лучше жить там, чем в нашем вшивом отечестве!

– Очень скоро мы объединимся с Тупляндией, – сказал В. – Его Преосвященство знают, как лучше для страны.

– Смотрите, смотрите, стог сена двигается, он повернулся! Где вы такое видели?

– Это так кажется, что стог двигается, потому что он горит – это электродинамический, нет, терапевтический эффект, – заявил Г.

– Или оптический обман! – ответил В.

– Акустический обман, хочешь сказать, – сказал Г. – Таким образом...

– Можно сказать, акустический, а можно – оптический! – возразил В. – Оба слова можно сказать! Но 'оптический' это более употребляемое слово, а редкими

словами не надо пользоваться. Физика это вообще мой любимый предмет, друг!

– Я и сам всё знаю, и нечего меня учить, с какой это стати ты вздумал меня поучать!

С этими словами они достигли вершины горы.

«О, божественный Змей, – молился король, взывая к небесам в своём сердце, – честь тебе и слава во все века, если бы ты послушался и не свернулся клубком, они бы тебя разглядели. Ещё двадцать шагов – и победа за мной! И какая победа, ведь всё складывалось не в мою пользу! Тебе я обязан своей победой, скажу я тебе, о Змей, как сказал Фриц Зайдлицу после битвы у Цорндорфа, и так же, как он, я милостиво прощу тебе неповиновение. Милая скотинушка! Как прекрасны твои дурные и бунтарские поступки! Эти же самые поступки оказываются и хороши, и полезны, ты часть той силы, что хочет зла, а совершает благо. Это о тебе сказал Шиллер: 'Природа и гений связаны неразрывно.' И теперь я не сомневаюсь, что великое дело свершится, и не вижу других препятствий, если только ты не спутаешь направление, потому что свернулся клубком вместо того, чтобы вытянуть тело по струнке. Но ты – ведь тебе тридцать тысяч лет! – ты как-нибудь узришь внутренним оком, куда ползти. О, вот и вершина горы, наконец!»

* * *

Но тут последовала целая цепь неожиданных и очень странных событий. Всё произошло буквально за одну минуту. Когда король впоследствии вспоминал случившееся, он всякий раз сомневался в реальности того, что произошло. Ему казалось, что всё это было во сне.

Ровно в тот момент, когда он ступил на вершину горы, издалека послышался оглушительный зевок, а за ним слова: «Ничего нет хуже, чем ждать! Даже трубка мне не по вкусу. Когда ты слеп, и в проклятом курении нет никакого толка!» Потом раздался страшный грохот, от которого гора задрожала до основания. Это Змей,

разозлясь, швырнул в неё трубкой. Трубка разбилась на тысячу кусков. Дым вокруг Змея рассеялся, и...

– В сене сидел Змей! – крикнул болван А. – Смотри-те, вон голова, вон белёдые пустые глазницы...

– Слепой Змей! – воскликнули трое других. – Надо сейчас же доложить кардиналу.

И тут случилось самое страшное. Откуда ни возьмись, перед ними возник высокий человек в облачении монаха, красивый, величественный, ещё молодой...

– Отшельник! – воскликнул король, покачнувшись. Волосы встали дыбом на его голове. Привидение – или действительно отшельник? – выглядел точно так, как король воображал себе, когда врал королеве. Никогда раньше он не слышал, чтобы в Адских горах жил святой пустынный.

Он невольно опустился на колени, и гвардейцы за ним.

– Позор тебе, отроде вшивляндского народа! – воскликнул великан. – Дрожишь ли ты перед неисповедимой волей божьей? Над тобой самим навис меч, который ты поднял, ты сам себе выкопал могилу, и твою же гибель предскажет баран с тройной мошной. Тебя ожидает смрадное объятие склепа, и уже сплетена синяя верёвка, на которой ты повиснешь.

Страшная молния прервала пророчества отшельника, и совсем рядом прогремел гром. Король потерял сознание.

Когда он снова пришёл в себя, привидение испарилось. Но тут поднялся ужасный ураган. Порывом ветра короля и конвой отбросило к обрыву. Двоим гвардейцам удалось удержаться на вершине горы, а Б. и В. упали в бездну.

– Проклятый ветер стянет мне зад через голову! – услышал король голос А.

– Это, так сказать, не ветер, это, так сказать, воздух, который струится в пространство, из которого, так сказать, молния вытянула воздух. На очень высоких горах, как на этой, до динамо-электрических явлений рукой подать, сто метров, так сказать, или, может быть, сто пять, или даже сто шесть.

– Слушай, ты, бестолочь! Мы ещё не выполнили приказа Его Преосвященства: не сообщили, что в сене скрывается Змей.

И он крикнул в долину громогласно, как Стентор:
– Ваше Преосвященство, в сене лежит Змей! Я его первым заметил!

– Это был акустический обман, так сказать! – про-
ревел Г.

– Что? Змей? – голос кардинала был едва слышен.

«Настало время действовать! – пронеслась мысль в
голове короля. – Кордула, Ангельшельм, Нарцисс, Сеян и
Меммид стоят у подножия горы – отлично! Всего двадцать
шагов влево, и я смогу подать знак трубачу. Но вдруг его
здесь нет, вдруг фигура, которую я видел, был отшельник,
точнее, его привидение? Но сейчас нет времени на раз-
мышления, будь что будет, пути назад нет. Только вперёд!»

И он бросился к другому краю вершины. Первый по-
рыв ветра утих.

– Мы головой отвечаем за него! – крикнул А., и оба
бросились за королём. А. схватил короля, но, пронзён-
ный кинжалом в сердце, тут же рухнул на землю. Король
с яростью берсерка обернулся к физику Г., но тот пустил-
ся в бегство. Король не стал его преследовать, а припал к
скале у самого обрыва.

Он воздел правую руку, подавая сигнал...

* * *

Вернёмся к королеве и кардиналу!

– Снова, – сказала королева, когда король стал под-
ниматься в гору, – снова шевелится в гробу восставший
мертвец в болотной топи!

– Твоя вина, дорогая моя! – ответил кардинал, стуча
зубами. – О, если б мы только остались дома!

Тишина...

– Моё беспокойство нарастает, как лавина. Что всё
это значит? О, Бенедикт, не вернуться ли нам назад, и
бог с ним, с отшельником, да и с королём тоже?

– Да, да... Но короля мы не можем здесь оставить.
Аве Мария...

Тишина.

– Ветер утих, как раз когда облака сгустились у нас
над головой. Но у меня ужасное предчувствие, будто не

только облака клубятся над нами, но в любую секунду может разразиться нечто непредсказуемое. О, как я боюсь, Бенедикт, спаси меня, спаси!

– Тише, не дрожи! Но погода действительно страшная. Полнеба темно, словно ад, полнеба блестит серебром, и этот призрачный просвет... Мёртвая земля лежит, как мертвец, вся белая и чёрная. Цвета ночи и скорби обнимают друг друга. Облако выжидает, как тигр в засаде, и вот-вот прыгнет на нас...

– Ты только ещё больше наводишь страху! Не будем стоять, пойдём в сторону горы, это нас развлечёт.

– Хорошо! Сеян, Нарцисс, Меммид, пойдёмте с нами, пожалуйста!

Они дошли до середины поля, усеянного камнями.

– Мы остановимся тут, чтобы видеть, что будет происходить на вершине горы, – сказал кардинал. – Они уже почти добрались до верха.

Тишина.

– Страх растёт и растёт, я задыхаюсь! – не выдержала королева. – Сейчас, сейчас случится что-то ужасное, я чувствую.

Издалека донёсся громовой раскат и страшный, похожий на членораздельную речь, шип и шёпот. Вслед за этим раздался страшный грохот, и с горы посыпались глыбы.

– Конец света! Спасайся, кто может! – закричал Ангельшельм, бросаясь бегом по камням к своим гвардейцам.

– Постыдитесь, Ваше Преосвященство! – вслед ему крикнул Сеян.

– Отшельник! – в тот же момент воскликнула королева, восхищённая. – Смотрите, король стоит перед ним на коленях. Мы спасены!

Кардинал, устыдясь, повернул назад.

– Наверное, тот гром сопровождал появление святого отшельника, – пробормотал он себе в утешение.

– Смотрите, он благословляет короля, он зовёт меня. Иисус – господь с нами! Жива ли я ещё? Отшельник исчез. Держите меня, улетаю...

– А на горе ветер ещё сильнее, – хладнокровно заметил Сеян. – Смотрите, два гвардейца летят нам навстречу, будто у них выросли крылья, ха-ха!

– Они летят примерно с той же скоростью, с которой преторианцы бегут от врага, – нанёс удар Нарцисс.

– Слушайте! – воскликнул Меммид. – Какое-то сообщение.

– Да, 'Змей, Змей,' мои гвардейцы обнаружили Змея, – обрадовался Нарцисс.

– Не говорил я, не предсказывал, что всё дело в Змее? – закричал Ангельшельм и снова поднял полы кардинальского платья, чтобы было удобнее бежать.

– Бежим скорее к нашим войскам! – закричал Меммид. – Его Величество не боится вас и ваших гвардейцев.

– Скорее черепаха убежит от молнии, – злобно заметил Сеян, – все войска Тупляндии и Великой Скотинии не смогут спасти нас от Змея.

– Смотрите! – крикнул Нарцисс. – Король пустился в бегство. Мои люди хватают его, держите, держите, мои хорошие, но нет! Блеск кинжала!

– Я так и знал! – заныл кардинал. – Ничего не выйдет из моих многолетних надежд и планов.

– Смотрите, как этот гвардеец-герой бежит от старика, разбитого подагрой! – злорадно усмехнулся Сеян.

– Держитесь, сир! – крикнул он, забыв осторожность.

– А теперь король поднимает руку, – застонал кардинал. – О, что это может значить?

Тарара-ра-рара-тарара-ра!

Все, кроме Сеяна, опустились на землю при звуке страшной трубы.

– Сейчас приползёт слепой Змей! – взвизгнула королева, словно прозрев. – Меня охватывает ужас, о, холод склепа!

Шум и шорох, гром и гул слышались, словно из пустоты. Хоть и приглушённый расстоянием, этот шум ошеломлял. Из дальней дали доносился он, внушая адский ужас, но его всеразрушающая мощь заполняла всё вокруг. «Что может быть чудовищней?» – стонали

замирающие сердца. И вдруг муравьи увидели источник звука. словно чёрный сатана, вздымалось над горизонтом чудовище, заслоня солнце. Если бы две звезды столкнулись, люди на земле, должно быть, услышали бы похожий звук.

Гром нарастал с огромной скоростью. Земля дрожала, муравьи упали на колени. Новая молния – но земной гром заглушил небесный.

И тут над лесом вознеслась к небесам почти прямо над муравьями змеиная голова размером не меньше собора, и в ней – белые и страшные глаза, словно два пруда. Она замерла на секунду, но тут же с невероятной для муравьёв скоростью обрушилась в долину, и десятикилометровое туловище вслед за ней.

Но не в каменную долину, а на полтора километра южнее! Опасения короля оправдались, Змей промахнулся...

Вихрь поднялся вокруг ползущего Змея и, столкнувшись с северо-западным ветром, закрутился циклоном, который почти перевесил притяжение дрожащей земли, затягивая в себя бедных муравьёв. Королева лежала в обмороке, Ангельшельм хрипел по-звериному, Меммид плакал, а Нарцисс, вне себя, обнимал и целовал Сеяна. Войска разбежались во все стороны, как испуганные овцы.

Летающая гора опрокинулась и исчезла за высокими восточными лесами. Местность, по которой она проползла, изменилась до неузнаваемости. Где были холмы, теперь простирались ущелья, на месте долин возникли возвышенности, леса лежали, как скошенная трава.

Слабее и слабее слышался шум от движения Змея.

– Мы спасены! – воскликнул кардинал. – Должно быть, чудовище приползло само, а не по наущению короля.

– Сомневаюсь, – сказал Сеян, с отвращением отталкивая Нарцисса. – Слушайте! Грохот снова нарастает!

И действительно, грохот снова приблизился, в этот раз даже быстрее, чем раньше. И снова показалось зелёное чудовище, и ураган и землетрясение снова

сопровождали его. Змей прополз почти тем же путём и снова скрылся за лесом на западе.

– Мы спасены! – опять крикнул кардинал. – Отступаем!

– В этом мало смысла, – сказал преторианец. – Бьюсь об заклад, Змей опять вернётся.

Грохот нарастал в этот раз так быстро, что казался раскатом грома. Снова вознеслась до небес громада, снова зелёная молния упала в долину. Змею, по всей видимости, нравилась прогулка после того, как он долго скучал, лёжа на месте. Теперь он полз всё быстрее. Он двигался со скоростью бегущего галопом коня (мы где-то читали, что удавы умеют перемещаться с такой скоростью).

В этот раз Змей прополз на триста метров – ширина его тела! – ближе к тому месту, где стояли муравьи. Он пропал из виду, вернулся, снова пропал за западным лесом и вернулся снова, на триста метров ближе к своим жертвам.

– Теперь всё понятно! – прохрипел Сеян, когда гром снова затих. – Слепой Змей не знает точно, где мы находимся, и потому покрывает всю территорию этого плато. Он действует систематично и с большой точностью. Ещё три раза он проползёт мимо, а там – аминь! Бежать нет смысла; если бы у нас хотя бы были лошади! Я вижу единственное спасение: эту гору. Она почти такой же высоты как сам Змей, и если мы вовремя взберёмся на вершину, то спасёмся от нападения. Чудовище наверняка поползёт на склон горы, но массивный гранит выдержит натиск. Эта гора не сравнится с теми низкими кротовыми горками, которые Змей снёс с лица земли на юге.

– Да, да! – крикнул кардинал. – Ты настоящий мужчина, Сеян, веди нас! Поднимите королеву.

Но им пришлось ждать, потому что Змей снова вернулся и они вцепились в глыбы, чтобы их не сдуло ужасным вихрем. Потом они бросились к горе, подножия которой достигли, когда Змей в четвёртый раз обрушился в долину, снова на триста метров ближе.

Подъём был очень тяжёл. В голове процессии офицеры несли королеву, лежавшую без сознания, а вслед

за ней – старого и валившегося с ног Ангельшельма. Вскоре пошёл дождь, и капли весом в центнер мешали продвигаться к вершине. Всякий раз, когда Змей проползал мимо, им приходилось останавливаться. И тем не менее, они уже стояли на середине горы, когда Змей в первый раз прополз совсем рядом с горой, только слегка задев южный край каменного плато.

Там как раз находился отряд Лилейной гвардии, безрассудно и торопливо отступая, кто на лошадях, кто пешком. Отряд захлестнуло ползучей горой. Но когда гора отползла, поднявшихся с земли ждал сюрприз.

Они ожидали увидеть гору трупов, но это было не так. Да, они увидели отрезанные острыми камнями головы, раздавленные животы, бездыханные муравьиные трупы, но гораздо больше живых, пусть и сильно покалеченных муравьёв с оторванными ногами. Они хромали, брели, ползли. Многие же муравьи вовсе не были покалечены, вставали и шли дальше. Некоторые оказались завалены камнями; были слышны стоны некоторых, полностью вдавленных в землю. А лошадикузнички все как один были мертвы.

«Может быть, мы бы остались в живых, если бы были внизу, а теперь точно окажемся в пасти у врага, – подумалось храброму Сеяну. – Погибают только те муравьи, которых питон придавливает к твёрдой поверхности, да и то не всегда. Нередки случаи, когда муравьи остаются в живых после того, как на них наступает человек на мягкой почве, а ведь давление человеческой ноги куда больше, чем змеиного тела. Пусть питон и весит иногда больше, но у человека вес сосредоточен на квадратном дециметре его каблука, а у Змея он распределён по всей поверхности тела. А если муравей попадёт в расщелину между двух камней, то останется совсем не покалечен. Да, милый король, если ты думаешь, как я подозреваю, что при помощи Змея ты уничтожишь все армии мира, тебя ждёт горькое разочарование. Не так страшен чёрт, как его намалевал твой пропитанный алкоголем мозг. Муравьи найдут оружие против твоего Змея. Сегодня ты

застал гвардейцев совершенно врасплох, и всё равно Змей не вполне оправдал твои ожидания. Что, например, сможет сделать Змей муравьям, если они храбро закопаются в траншеи, как мыши? Уже в прошлой войне они практиковали такую стратегию. Муравьи, сир, это жёсткий, твёрдый маленький народ, неистребимая нечисть, от которой даже бог отворачивается, сознав свою немощь. Про муравьёв говорят, что они по натуре похожи на лошадей. Это неправда, как видим: бедные, мягкие лошадки все мертвы, а жёсткие, низкие, ядовитые муравьи прыгают дальше, и будут прыгать до скончания века, и жить, и вонять.»

Снова зелёная молния прокатилась по ландшафту, на этот раз всего в двухстах метрах от наших героев. Ураган сбросил Меммида с высоты ста восьмидесяти метров на поле камней, где генерал распластался – с поломанными членами? – вовсе нет! Ни фаланги на пальце ноги не пострадало! Снова подтвердились слова Сеяна о жёсткой муравьиной природе. С высокой человеческой башни можно сбросить муравья, и он спокойно упадёт на зад, поднимется и пойдёт по делам как ни в чём не бывало. Нам даже кажется (хоть это и противоречит законам тяготения), что муравей мог бы и с луны упасть на землю и не расшибиться. Если только с луны вообще может что-нибудь упасть. И если муравей не замёрз бы в океане из эфира и не умер бы от удушья, если там и вправду такой холод и нет воздуха. И если в космосе действительно есть такое вещество, эфир. Но представь себе, собачий читатель, что такое упасть с луны? Что это падение в сравнении с падением с высоты притязания, надежды, мечты, божественного влечения в наш вечно безразличный мирок, в отвратительное земное болото? Но и такое падение из небес в грязь способен, однако же, пережить муравей, это воплощение позора!

Так что Меммид пустился в бегство, а Змей пополз на восток. Остальные странники стали карабкаться выше. Сеян нёс королеву, Нарцисс поддерживал молящегося кардинала.

– Не волнуйтесь, Ваше Преосвященство, – уговаривал кардинала Нарцисс. – Ещё пятьдесят метров, и мы наверху. Скорее всего, король всё ещё там. Разрешите мне, Ваше Преосвященство, без дальнейших разговоров вонзить кинжал в позорное сердце обманщика?

– Ora pro nobis, nunc et in hora mortis nostrae...¹

– Теперь я уже сомневаюсь, – сказал Сеян, – что эта гора выдержит натиск чудовища. Я однажды прочёл у Киплинга, что питон, развив скорость, способен сразить наповал крупных животных, лошадей, быков. Питону по силам может сломать крепко сколоченную дверь, что не по силам трём-четырёх людям. Сила питона велика, его объятие способно задушить льва, а этот слепой Змей крупнее всех питонов на свете. Хотя я сомневаюсь в авторитете Киплинга. Дело ведь скорее не в том, что действительно произойдёт, а в том, что этому собачьему прохвосту придёт в голову насочинять. С истиной он обращается, как со шлюхой, пританцовывает с ней, будто истиной можно пренебречь, будто истина это ничтожно малая величина.

– Прекратите же болтать вздор, хотя бы в наш смертный час! – прохрипел кардинал. – Господи, грешен, грехи мои тяжкие... Dies irae, dies illa...²

– Смертный час, смерть? – рассмеялся преторианец. – Только смерть, и больше ничего, кардинал, о мой герой? Священник всегда останется трусом, даже если прославится на весь свет душевной силой. Вот снова возвращается милое животное, ха-ха!

Змей прополз по полю камней у самого подножия горы, и муравьи, взобравшиеся на гору, увидели, что Меммида разрезало надвое острым краем скалы. Обе части ещё двигались, и передняя страшно кричала: «На помощь, на помощь!»

– Не родился ещё портной, который сшил бы тебя заново! – снова засмеялся Сеян.

– Ты победил страх смерти, верный солдат! – простонал Ангельшельм. – А меня подстерегает ужас склепа, ужас адский, ох!

¹ Молись за нас, ныне и в час смерти нашей (лат.)

² День гнева, сей день (лат.; здесь и далее слова из "Реквиема" Моцарта)

– Господа, – сказал Сеян, – возможно, сейчас настанет конец игре. Если голова Змея прижмёт нас к обрыву, то убьёт нас всех, как пить дать. Всего тридцать метров до вершины, но из-за того, что нам, милый Нарцисс, приходится нести на себе этих важных особ, и из-за воды, струящейся нам на головы, вероятность добраться до верха вовремя не очень велика. Мы ужасно медленно карабкаемся, и каждая секунда на счету.

– Ваше Преосвященство, может быть, вы можете идти сами? – спросил Нарцисс, которого трясла крупная дрожь, мешая передвигаться.

– Нет... *Tuba mirum spargens sonum, per sepulchral regionum...*¹

– Я бы с удовольствием бросил старую королеву с обрыва. Не вес её тела, а вонь лишает меня сил.

В тот же миг королева открыла глаза.

– Где я? Где я была? Была на небе – да, сам Господь смотрел на меня, сияющий муравей размером с солнце. Где я, Господи? Что за каменная пустыня, ужасное чёрно-белое небо, холодные капли воды размером с дом, избивающие моё несчастное тело? Господи Иисусе... Неужто я в аду? Уже в аду? Мой сон – и что это за неслышанный страшный грохот вдалеке?

– Этот грохот, Ваше Величество, наверняка отправит вас на небо, во вселенскую пустоту, которая, как божественно сказал Лихтенберг, находится в совершенном равновесии с вечной радостью.

Тут его речь оборвалась – вернулся Змей. К счастью, предсказание храброго и небестолкового командира преторианцев сбылось не полностью. Чудище только коснулось подножия горы, и гора задрожала. Змей отполз в сторону.

– Ещё жива надежда! – воскликнул Сеян. – Ещё двадцать метров. О благоухающая королева, будьте любезны встать на ноги. Проклятый дождь! Сползли на восемь метров. Тысяча чертей, Ваше Величество, постарайтесь двигать ногами вместо того, чтобы стонать!

¹ Вострубит труба нам, звоном предвещая погребенным.

– Ты грубиян или же ты сам сатана, терзающий меня в аду? О Господи, зачем ты разбудил меня! Только для того, чтобы я познала смерть? Бенедикт, спаси меня! Святой отшельник на горе, приди мне на помощь!

– Не слышно грохота, странно! – сказал Сеян. – В первый раз всё стихло! Где Змей? Вытаскивает камешек из сандалии? Или пошёл пописать? А, снова ползёт! В этот раз уже спокойной ночи, дружок. Мы как раз на восточном склоне горы.

Страшная голова снова приблизилась из серых облаков вдаль. Она стремительно увеличивалась в размерах, надвигаясь прямо на муравьёв, которым ещё оставалось пятнадцать метров до вершины. Нарцисс бросил кардинала и карабкался через толстые струи воды. Королева истошно вопила.

– Слава богу, конец жизни, конец этой дурной дребедени! – крикнул Сеян. – Да здравствует Змей, да здравствует смерть!

– Смилуйся, Иисусе! Бенедикт, Бенедикт!

– *Quid sum miser tunc dicturus – quem patro...*¹

Тупой звериный инстинкт самосохранения, то есть сохранения звериного существования, перевешивает героизм даже в самом героическом муравье. И так случилось, что Сеян прыгнул под откос, как только выкрикнул свой героический призыв. Зелёный Змей на мгновение возник перед его лицом во всей громаде. За Сеяном прыгнули и другие, но на секунду позже, чем сохранявший здравый смысл преторианец.

Он упал в каменистую долину, не покалечившись. Других же морда Змея размазала в алое пятно по скалистой стене.

Раздался оглушительный грохот, сотрясший небеса, и великую гранитную гору вырвало из земли, словно зуб, вросший на двести метров вглубь земли. Гора взмыла в небо и упала на расстоянии в два муравьиных километра в углубление, которое она целиком заполнила, так что на месте воронки в семьдесят метров глубиной образовалось плато.

¹ С чем к ответу мне явиться, и кому...

Вечная память горе, незабываемой, как Голгофа. Она поплатилась за свою высоту, и на её месте зияет теперь глубокая пропасть, которую каждый год посещают миллионы паломников, верящих, что здесь можно спуститься в тартарары. А ведь на этом месте когда-то гордо вздымалась к небу огромная скала!

Но и слепой Змей не вышел из боя целым и невредимым. Пусть мы и верим Киплингу, что нос питона способен совершать атлетические трюки, этот самый нос, тем не менее, поцарапался, и Змей свернулся в стороне, шипя от боли, чертыхаясь и проклиная короля. А хвост искателя свинцового медяка отбросил Сеяна далеко в Тупляндию. Поделом Змею за хладнокровное убийство королевы! Используем возможность и торжественно объявим людям, которые захотят обвинить эту историю в аморальности, что мы испытываем отвращение к убийствам королей и возражаем против такой морали, в которой Змей убивает королеву, не запачкав морды в собственной крови.

По долгу летописца сообщу, что некоторые муравьи придерживаются мнения, что эта гора была узким и плоским камнем примерно сорока пяти сантиметров в длину и что камень был вкопан в землю зулусскими мальчишками, чтобы служить воротами в их игре.

Твоё сердечко, милая читательница, должно быть, дрожит от страха о судьбе бравого короля Вшивия, ты хочешь услышать, не умер ли он на горе. Я расскажу тебе об этом, при условии, что [...]¹

– Из твоего рассказа я понял, – сказал Змей, – что твои враги погибли и мой труд не пропал зря. Теперь мы можем заняться более важными делами: я расскажу тебе о синем псе, бивагинальном слизистом мешке и свинцовом медяке, а ты снова, как обещал, дашь мне напиток мочи огненного дракона, от которой в моей душе расцветают блестящие симфонии и поют райские сады. Не откажусь и от кроликов. Хотя после такого обеда, как вчерашний,

¹ Здесь в рукописи пропуск.

голод обычно не возникает целую неделю, я опять хочу есть. Наверное, это оттого, что я целый месяц голодал.

– Трижды дурень! – сказал король. – Сейчас нужно заняться вещами поважнее. Думаешь, у меня были полны карманы кроликов и фляжек с ромом, когда я спасался бегством от тебя, бешеного чудища? И не твой дурацкий медяк, а собственный трон волнует меня теперь. Но ты ещё не знаешь, что произошло, когда я пополудни вернулся домой. Я подписал Ангельшельму мандат об отречении от престола. Один сатана знает, что теперь творится среди военных и какая обстановка в столице. Может быть, там разразилось восстание против дворца. Мне нужно явиться там собственной персоной и снова взять управление страной в свои руки. Неотложные дела займут самое меньшее неделю, а там уже я начну думать о твоём синем псе! Но теперь пора подкрепиться, – и он выпил фляжку рома до дна.

– Но дай мне хотя бы напиток святого духа. Если у тебя нет его с собой, я пойду с тобой в твой лагерь, там ты наверняка его найдёшь!

– Нет, дорогой, тебе сегодня никак нельзя напивать-ся. Ты мне ещё понадобится!

– А тебе можно напиваться? Думаешь, я не слышу запаха святого духа? Ты только что выпил!

– Мой дорогой друг, что можно мне, тебе нельзя. Мне не повредит, если я буду пьян на виду у всего народа. Во-первых, я веду себя как подобает королю, даже если напьюсь как скотина, а как ты себя вёл, когда напился вчера? Стыдно даже подумать! Во-вторых, ещё никогда мои подданные не видели меня трезвым, поэтому они думают, что я трезв, когда я пьян, а будь я трезв, они бы подумали, что я напился. В-третьих, королю вообще ничто не вредит, совершенно ничто... Ослепительный свет его трансцендентального величия падает на всё, что он творит, он так велик, что и тени превращает в сияние. Чувствуешь ли ты хотя бы крупицу того, что это значит, ощущать

себя королём? Чёрта с два ты что-то чувствуешь! Ты народ, Змей, 'народ с тупым взглядом', как говорит Ницше. Кто был твой отец, а? Небось, колбасник? А твоя мать лоскутница?

– Кажется, ты уже пьян, как скотина. Всё равно: ты обещал дать мне шнапс и обязан держать своё слово!

– Сынок, я и не думал, что ты можешь быть так наивен! Неужели ты действительно такой отсталый, что веришь в то, что король обязан держать своё слово? Это народ держит слово, это его добродетель и его ярмо, и оно держит его в повиновении, как буйвола. А добродетель короля, наоборот, в том, чтобы не держать слова. Я никогда не держал слова в жизни, и горжусь этим, в этом есть действительное величие!

– О да, я восхищён и сражён наповал. До свидания!
– И Змей пополз долой.

– Эй, эй, стой! – заревел король в страшном испуге. – Не принимай всех моих слов за чистую монету, глупец! Ну, иногда я всё-таки держал слово, например, когда знал, что не сдержать слова значит получить побои от руки наших скоропостижно скончавшихся. Стой! И шнапс, и еду ты получишь ещё сегодня вечером. Как только справимся с самым важным делом, в котором ты мне поможешь, я дам тебе выпить, а потом я даже готов слушать твои свинские сказки.

– И когда это будет?

– Где-то через три часа. Час мне понадобится, чтобы добраться до моей армии...

– Глупости! Ты доберёшься до своей армии за шесть секунд, если оседлаешь меня.

– Оседлать тебя? Да? – он остановился, растерявшись, но видно было, что мысль о том, чтобы оседлать Змея, была ему приятна. Новые, неизведанные идеи кипели в его муравьиной душе. – Что же, пожалуй. Страшновато, но тем больше величия. Ха! Какой несравненно внушительный вид у меня будет, когда я появлюсь перед своими войсками верхом на стометровом змеином лбу! Какого величия я добьюсь! Кто ещё осмелится восставать против меня? Да, всем

бунтам конец после того, как они увидят меня верхом на таком коне! Быкомлечный, Шелкопряд и прочие, о которых я беспокоился ещё секунду назад, не имеют значения. Veniam, videbo или лучше videbo, vincam.¹ Я обращусь к ним с речью, храбрый, как Зевс, и за минуту всё будет улажено! А потом я напьюсь с моей лошадкой до беспамятства, и мы как следует отметим великий день. И в будущем, когда я буду завоёвывать мир, я всегда буду ездить верхом на Змее и нащёптывать ему приказы прямо в ухо. В тысячу раз эффективней такая стратегия, чем подавать сигналы трубой! Хотя сидеть прямо на голове немного неприятно... Но я могу сидеть и на спине, в середине его туловища, а к уху провести телефон. Я построю там дворец из железобетона и разобью огромный сад с холмами, каскадами, запрудами, домашними и дикими животными, беседками, а ещё с прекрасными баядерами, на которых буду лежать, как на тёплых подушках, ведь там, на высоте трёхсот метров над смертными, должно быть весьма прохладно... Но довольно мечтать: не мечты, а дела приблизят меня к тому, о чём я мечтаю.

Хорошо же! Я достаиваю тебя чести нести короля!

– Так забирайся уже! – сварливо сказал Змей. – Моя немисливо комическая судьба хочет, чтобы я – а ведь я езжу верхом на вселенной, времени и бытии и даже на самом себе! – чтобы я был конём какому-то королю! И пусть я говорю себе, что в этом-то гротеске и заключается божественное начало, мне нелегко подчиниться. Но на всё моя старая добрая божья воля, и да свершается моя воля во веки веков.

Король Вшивий бесстрашно вскарабкался на голову-гору и приказал трубачу и его кузнечнику взобраться вслед за ним.

– Иди очень медленно! – крикнул он Змею. – От твоей скорости зависит судьба моего государства!

Вокруг него поднялся ураган: это Змей медленно пополз в сторону муравьиного лагеря.

¹ Приду, увижу... увижу, побегу (лат.)

Воюющий ветер, наслаждение победой, огромные надежды и ром привели короля в состояние, неведомое ему прежде. Этому ощущению не суждено было повториться и в будущем. Одну минуту продолжалась эта поездка – а по муравьиному исчислению пять минут, откроем человечеству секрет – и эта минута была кульминацией всей жизни короля. Он не заметил ни трупов и калек, ни спасшихся и невредимых солдат, которые отступали к основному лагерю и при виде чудища снова испускали страшные вопли. Даже самого стремительно приближавшегося лагеря не заметил король.

Армада, завидев чудище, пустилась наутёк. Вся армия разделилась на две группы, меньшую из которых составляли сторонники короля. Солдаты ещё не знали ничего определённого о перевороте, но слухи уже распространялись. И антиклерикалы уже сплотились в предчувствии контрпереворота. Быкомлечный ещё не опубликовал своей декларации, дожидаясь возвращения кардинала. Новости о том, что произошло в Адских горах, однако, уже достигли лагеря и подлили масла в огонь.

Короля солдаты сначала вообще не заметили, хотя обычно человек человека замечает даже среди вещей, которые в сто раз удивительнее. Они бежали. Король, наконец, очнулся от транса.

– Стоять! – приказал он. – И поднять трубы!

Солдаты только быстрее побежали.

– Труби изо всех сил! – крикнул король трубачу. – Чтобы они остановились и не боялись, потому что это я иду, а не Змей!

Сигнал трубы помог. Постепенно вся армия остановилась, и солдаты, наконец, заметили пурпурный подол короля на змеином темени. И теперь не только та часть, что осталась ему верна, но и сторонники кардинала пали на колени, охваченные несказанным изумлением, страхом и благоговением при виде такого возвышенного действия!

Если ты, моя маленькая читательница, смеёшься и не хочешь замечать величия муравьиного короля, глядя, как он возвышается над огромной горой змеиной головы – а ведь он, к тому же, относится к виду самых маленьких муравьёв – то твоему уму ещё есть, куда расти. Представь себе, что Наполеон явился бы перед тобой верхом на таком чудище... И пойми одну из главных мыслей этой книги: муравьи во многом похожи на людей, но это ты, наверное, и так уже поняла, иначе судьба короля, королевы и прочих оставила бы тебя безразличной. Если только ты нас не обманываешь и действительно следишь за развитием событий. Наполеон тоже выглядел бы смехотворно на таком коне, но ведь от смешного до великого один шаг. Более того, смешное и великое растут из одного корня, потому что величие есть квинтэссенция смеха, а лицедейство и есть ядро мира. Так что если ты хочешь быть действительно мудрой, то опускайся на колени, когда смеёшься, и смейся, только преклонив колени, а иначе пусть любовник поставит тебе холодную клизму!

– Ближе! – заревел трубач по приказанию короля. – Король будет говорить. Выстройтесь полукругом вокруг головы Змея! Кто осмелится не повиноваться приказу, будет раздавлен!

Все повиновались, и никто не обратил внимания на тех, кто возражал, что королю отныне не положено приказывать. Вскоре вся армия простёрлась полукольцом перед великим завоевателем.

И он произнёс речь, оставшуюся единственной в своём роде во всей истории мира.

– Мои дорогие поданные, шакалы мои! Ангельшельм, моя супруга и другие прохвосты устроили сегодня комедию, объявив, что я лишён престола! Да, вы не ослышались! Меня, вашего милостивого короля, отца земли нашей, наместника Бога и помазанника Божьего хотели лишить трона, и многие из вас, подлецы, вместе с ними чуть не затянули петлю на моей шее. Что же, в эту петлю теперь угодите вы сами, особенно Быкомлечный, Пах, Жопелес, Слюнолиз, Шелкопряд, Лужаслез и Наведитуман – да, дружок, не думаешь же ты, что я не вижу, как

ты пытаешься пуститься наутёк? Свяжите их, я придумаю для них такие пытки, каких не видел прежде мир.

Несчастных, чей страшный вопль сотряс небеса, связали их же верные слуги. А Вшивий продолжал:

– Я долго поступал по велению моего добрейшего золотого сердца, я милостиво снисходил ко всей этой нечисти, даже, наверное, казался кому-то слабым. Но всему есть конец – а у ливерной колбасы целых два конца. Долго дразнили льва, и он только рычал спросонья, но сегодня он поднял грозную лапу – и вот!

И он бросил мантию кардинала и пурпурное платье супруги вместе с кровавым содержимым в плотные ряды солдат. Жуткий крик передался от солдата к солдату до самого горизонта.

– Я отбросил добросердечие, и теперь земными судьбами будет вершить только мой жестокий рассудок и железная воля. Долго дремала она, моя солнечная воля, но теперь она встала из могилы, поднялась ото сна, в котором божественно беспамятствовало добро, и теперь я хочу проклясть самый язык, на котором разговаривают мои враги, этот собачий язык! Никаких частей Вшивляндии я не собираюсь уступать Тупляндии, не то что кардинал, фиолетовый негодяй! Короче говоря, что я хотел сказать? Я пьян до потери пульса... Но всё глупости! Я стою выше всего – не только выше народа, но и выше мыслей и логики, и что я ни скажу, даже если это чистейший вздор, будет считаться божественным, вы чувствуете, собачьи душонки?

– Выше солнца наш король! – раздалось в ответ.

– А вы ниже дерьма, черви! В общем, я изменился, и теперь всё будет по-другому. Моя гигантская сила породила гигантские планы. И я достаиваю вас чести, посвящая вас в них. Долой притворство, будем играть в открытую, солдаты! На что мне власть цезаря, если я должен прятаться, как мышь? Я хочу помочь осуществиться идее самоопределения народа: я захвачу всю землю и определю, как народу жить. Вот так! Пойдите, висельники, и доложите об этом по всей Тупляндии и Великой Скотинии, я боюсь их не больше, чем травяной тли! Но прежде

всего я введу в своём государстве новый строй. Сию же минуту! Слушайте, ослиные уши! Я даю моему королевству радикальный деспотизм! Всё в этом государстве это я, я, я! А вы все – только бутафория, кулиса, декорация, если только можно таких негодяев как вы считать чем-то декоративным. Выражаясь вульгарно, я – пёс, а вы – мой хвост! Пёс может прожить без хвоста, но не хвост без пса. Если вы будете вести себя не так, как подобает хвосту, то я обрублю этот наглый отросток прямо у самой дырки в зад, над которой он растёт. Вы должны дрожать передо мной, как дрожит собачий хвост! А я не дрожу ни перед кем, кроме бога, а точнее, и перед богом не дрожу. В детстве я пас с богом свиней, а потом он стал властителем на небесах, а я – на земле, и так оно и будет впредь. Точнее говоря, не будет, потому что небеса это только воздух или пустота, другими словами, синее дерьмо. Земля тоже дерьмо, но она, по крайней мере, липнет к подошве. Я боюсь, что синий бог в своём царстве пустоты разлетелся в ничто. Как бы то ни было, конституцию я отменяю. Вы, депутаты, неужто вы думаете, что я не могу управлять страной без вас? Какого чёрта я должен идти на уступки и подкупать вас, чтобы вы меня поддерживали? То, что моя воля всё равно, в конечном счёте, закон, вы знаете и сами. Идея о том, что делегаты представляют интересы народа, просто болтовня, согласитесь, и придумана для того, чтобы поддерживать мерзкое существование паразитов на народном теле и усложнять правительственные дела. Уже само слово «парламент» говорит о том, что вы собираетесь в нём для разговоров, а не для действий, т.е. для болтовни, потому что слова, не подкреплённые делом, и есть болтовня. Если бы вы хотя бы могли говорить остроумно, а то ведь за годы дебатов от вас не услышишь ни полшутки, как будто все болваны страны собрались у меня в парламенте на randevu. Приказываю вам сегодня же уехать вон из моей столицы, вшивые псы, а в течении недели – выплатить государству всё, что вы накопили на взятках за последние годы, вы должны мне восемь миллионов вшиводоров, слышали, а иначе плакали ваши головы!

Отменяю и все министерства. В самом понятии «министр» есть нечто такое, будто министр претендует на часть королевских полномочий. «Правительством» называют министров, как будто правительство – это не я! Два правительства в одном государстве это дурная, нездоровая, глупая идея. Любой министр по определению мятежник, изменник. Зачем мне эта банда? Важными делами, которые только-то и имеют значение, я буду заниматься сам, а мелкими заданиями пусть занимаются тихие ослы, бессловесные мулы, то есть, служащие, но их будут звать не министрами, а специалистами. Вместо министра сельского хозяйства у нас будет специалист по сельскому хозяйству, вместо министра животноводства – специалист по разведению тли. Министр иностранных дел – специалист по вранью, или просто врун, но эту должность я всё равно скоро отменю. Министр юриспруденции – специалист по казням. Функции министра внутренних дел будет выполнять директор полиции. Министерство военных дел сольётся с постом фельдмаршала, исполнителя моих непосредственных приказов на войне. Министерство культуры и образования отменяю совсем! Школы закрыть! То же самое и музеи и картинные галереи. Театры превратить в арены, актёров – в гладиаторов. С сегодняшнего дня не будет выходить ни одной газеты! Ни одной книги! На месте типографий возведём винные заводы! Я вам дам культуру, бестии муравьиные! На что вам культура? Да, им нужна культура, как плеть гибриду коровы с паршивым псом... Я пьян, так что ж, всякий король бывает пьян! Вы смеётесь? Что, хотите, чтобы мой конь обрушился на вас? Но вы не смеётесь, вы плачете, уничтоженные, или нет?

– Да, да, о король! – и из стотысячной глотки раздался жалостливый стон, плач, рёв.

– Посмотрите на себя, трусливые твари, лицо соседа будет вам зеркалом, в котором каждый из вас увидит своё отражение, потому что всех вас сделали по одному шаблону, вы, каждый из вас – оттиск вечно-тупого начала. Ну скажите, на кой нам культура? Знаете ли вы,

что такое настоящая культура? Срать народу в рот. Но ещё не родился такой художник, что смог бы сам себе насрать в рот. Я вам дам культуру! Лопату и тяпку в руки – вот ваши книги! У кого полиция обнаружит хоть одну напечатанную строчку, тот будет с отрезанным туловищем нашаривать собственную голову – *sit venia verbo*.¹ Кто читает, уже предатель! В настоящем народе не должно быть ни грамма, ни зачатка мысли! Не только аморальней, но и тупее становится грамотный народ. Безграмотный муравей просто осёл, а грамотный – непростой, перекошенный, т.е. осёл вдвойне. На таком осле далеко не уедешь, он забывает не только, как везти, но и как идти. Самый интеллигентный муравей – это самый большой осёл из всего народа. Талант – самый большой мошенник. Только к гению применимо понятие 'культура', и то не ко всякому гению. Бывают гении, как разноцветные нарывы на теле, но настоящий гений велик, он сравним только с богом. Таких гениев я посажу по правую руку, и пусть они даже учатся читать. К несчастью, среди вшивляндцев таких гениев нет; может быть, они даже вообще не могут родиться в этом зловонном болоте. О них, т.е. о культуре, я позабочусь как следует. Только гений, то есть я сам, способен распознать в муравье гения. Всех детей, которые вам кажутся глупыми, сумасбродными, неловкими и неуклюжими, робкими, боязливыми, упрямыми, злыми, слабыми, болезненными, всех их пусть посылают ко мне, мы с моим конём будем осматривать их собственными глазами. Если эти свойства у них окажутся не признаками гениальности или даже, наоборот, признаками нарыва, я сошлю их на гору Тайгет, а если они будут схожи с богом, мятущимся в муравьином дерьме, то я отправлю их в безвоспитательный дом. Там их ждут одиночество, дикая природа, чистое страдание и умеренное общение с другими гениями.

С вами они не будут иметь никаких отношений, хотя, может быть, пусть они с вами играют, как играют с домашними животными – они будут считать вас

¹Извините за выражение (*лат.*)

животными не метафорически, а взаправду. Культура развилась и породила меня – с трудом и в муках, и гениальному духу пришлось перетекать от одного мозга к другому, гений прошёл через топкое болото талантов, интеллигенции, плебеев, чтобы, наконец, достичь истинного адресата. Но сколько гениев было потеряно таким путём! С сегодняшнего дня это высшее общение будет совершаться без вашего грязного вмешательства, от гения к гению, а вы не будете знать ничего о нём, стоящем высоко над вашими головами. Я дам вам культуру!

Религия отменяется, потому что я ваш бог. Священники будут моими телохранителями. Врачи – скорняками, мясниками, могильщиками, палачами и солдатами. Если они и спасают иногда жизнь муравью или приносят пользу, то это исключение из правила. Их может заменить любой деревенский кузнец. Кроме того, будет только лучше, если не все будут умирать здоровыми. Моя основная цель – уменьшать количество моих подданных, я вовсе не собираюсь быть повелителем бесчисленной нечисти.

Ещё я отменяю аристократию. Всех аристократов – ради интересного эксперимента – я сделаю грязными батраками, а их богатство перейдёт в мои руки. По этому случаю я увеличиваю себе размер гражданского листа в шестьдесят раз. Аристократия ведь не более чем тот же народ, только начищенный до блеска и невесть что о себе думающий. Посмотрите только, какие гримасы строит аристократ, покорно склоняясь в три погибели перед королём. Только тот, кто никому не кланяется, настоящий аристократ, только цезарь, только бог, только я сам! Исток благородства не жалкой социальной, а метафизической природы, и аристократия – это трансцендентальность. До сих пор свет не слыхивал настоящей аристократической речи! Лукавые аристократы всегда были врагами как короля, так и народа. Раньше, если король хотел править с аристократами, он поворачивался против народа: вы, должно быть, уж возликовали, вши аристократические, когда я проклинал народ? Вы, наверное, решили, ха-ха, что я не

причисляю вас к черни и только клянуплебеев, чтобы делить с вами власть? А ты, милый плебс, не торжествуешь ли теперь, когда я развенчиваю аристократию? И вопреки сказанному, наверное, надеешься в своей животной душе, что я выступаю за народ и против аристократии. Восхищайтесь моей правительственной мудростью! Все короли шли либо за аристократией, либо за народом, а иногда пытались идти за обоими. В первом случае король настраивал против себя аристократию, во втором – народ, а в третьем – и тех, и других, потому что достаточно похвалить народ, и окажешься врагом аристократов, и наоборот. Если же ругать одних, угодишь другим, ведь нет лучше способа подружиться, чем дать пощёчину заклятому врагу. Но поскольку сила народа и сила аристократии в целом равны, их враждебное отношение друг к другу находится в равновесии, а короля оно мало касается. Королю не на кого надеяться, кроме самого себя, его спасает только нимб величия и самодержавия, если он у него есть. Мне эти окольные пути не нужны. Я ругаю аристократию и завоёвываю народ, но сейчас же снова его теряю, потому что клянуплебея что есть сил; я ругаю народ, и аристократия ликует, но я теряю поддержку аристократии, потому что ругаю и её. Это паралич, но ситуация ничуть не хуже, чем если бы я бесплодно пытался завоевать симпатию той или другой стороны. Я же божественно свободен в своём решении, не пачкаю рук, а исход всё равно такой же, как если бы я ползал на коленках перед вонючими или же перед благоухающими холопами. Единственное условие этого грандиозного предприятия в том, чтобы я был силен духом, чтобы мощь цезаря и слепой Змей были в моих руках!

Слепой Змей оказал мне сегодня немаловажную услугу. Он будет и впредь верно служить мне, а как именно – вам, олухам, знать необязательно! Может быть, я даже изберу его когда-нибудь государственным канцлером. Но уже теперь я приказываю вам безгранично уважать Змея и беспрекословно ему подчиняться!

Тут король остановился перевести дыхание. Им овладела усталость после выпитого рома. Чтобы избавиться от усталости, он выпил до дна ещё одну фляжку. Подкрепившись, он снова заговорил. Но на этот раз его голос зазвучал теплее, а сердце смягчилось.

– Дети мои милые! Грязные подонки! Я люблю вас, очень вас люблю, как отец своих детей. Вы, правда, этого не заслуживаете, но попробуйте сказать матери, что её дитя не вышло лицом или фигурой! Вы не можете себе представить, как велика моя любовь к вам. Смотрите: я милостиво позволяю вам жить, а ведь мог бы раздавить вас всех в одно мгновение. Я разрешаю вам дышать, есть, смотреть, слушать, ебаться, срать, вонять, я разрешаю вам работать и наслаждаться работой, я даже не запрещаю вам умирать за меня на поле битвы, а ведь это огромная честь, букашки вы мои навозные! Могут ли ваши глистоподобные душонки охватить всё величие моей милости? Нет! Ещё я позволяю вам бездельничать после работы, тупо болтать друг с другом, хотя обычный человек заслуживает смерти уже глупостью его разговоров. И я даже не запрещаю вам напиваться, причащаться духом святым. Я дам вам хлеба, но и зрелищ. В ближайшее время я казню тысячи и тысячи людей, чтобы ваши глаза и души насладились изысканным зрелищем. Все, кто участвовал в заговоре, кончат жизнь на виселице, все, на кого падёт малейшее подозрение, и даже те, кто вне подозрений. Ни у кого из вас голова не приделана к туловищу слишком уж крепко! Радуетесь ли вы заранее в предвкушении спектакля?

Но я не сомневаюсь, что и те из вас, кто в этом представлении будут актёрами, рады не меньше зрителей и их сердца ликуют. Потому что я не могу себе представить, что в моём королевстве найдётся подонок, который не жаждал бы в глубине души подчиниться моим приказам, а если он совершит преступление, принять наказание от моей отеческой руки; розга короля – меч. Если вы по-прежнему боитесь отсечения головы, то подумайте здраво, ведь это же простая механическая, вполне обыденная процедура, всё равно что разломить

пополам буханку хлеба! Смейтесь над своим страхом! Вы видите, как я вас люблю. И за все перечисленные возвышенные милости я прошу у вас только одного: беспрекословного подчинения. Всегда ли вы подчинялись мне? Ах! Печальная тема. – И голос короля дрогнул. – Молниеносно ли исполняли мои приказы? Угадывали мои желания по глазам? Делали вдвое больше того, о чём я просил? Приходили ко мне сами, прося наказать вас за проступок? И так далее... Отвечайте! Вы опять плачете? Хорошо, но вам нужны не рыдания, вам нужно излечиться, о неблагодарный сброд! Ах! Если бы вы знали, как страдает король, когда ему не подчиняются даже в самой малости. Малейшее отсутствие расторопности для него адское, незабываемое оскорбление, большее, чем для вас оплеуха! Ах, как велико королевское страдание, это просто ужасно!

Но вам, холопам, не понять психологии короля. На какие адские муки обрекла меня моя любовь к вам, чего я ни выстрадал за мою небесную доброту, вы, тигриные сердца, вши проклятые!

И от жалости к самому себе и от восхищения собственной добротой он завыл, как шакал, и вся армия за ним вслед. Чтобы развеселиться, он снова потянулся за фляжкой, его глаза заблестели, и он продолжил.

– Я ещё многое хотел бы вам сказать. Например, что я образу новое министерство, министерство по перегонке шнапса, которое возглавит 'специалист', чин которого будет соответствовать бывшему премьер-министру. А ещё – а ещё – короче говоря, я скотски пьян и потому заканчиваю речь: как император Нерон дал своему народу десять заповедей на горе Синай, так и я даю вам теперь десять, а точнее – всего одну заповедь, потому что десять заповедей это ерунда; достаточно одной, в ней – вся мораль человечества, и звучит она так: 'Повинуйтесь королю!' Только я знаю, что плохо, а что хорошо, я непогрешим, и кто слушается меня, поступает правильно. А если вы будете поступать по собственному разумению, то всё будете делать не так, шакалы!

Теперь принесите мне еды для моего канцлера, побольше рома и шампанского, и ещё две трубки и табаку. Мой канцлер нагло сломал мою старую трубку, но сегодняшний день мы должны отмечать до беспамятства. Армия пусть отправляется восвояси; сегодняшний поход показал, что армия нам не нужна. Скоро я сам предприму такие походы, что всё бывшее по сравнению с ними покажется детской игрой. Принц Лукиан, до моего возвращения я поручаю тебе руководить страной. Ты злой и опасный пёс, но я всё равно тебя люблю, потому что ты не притворяешься, умеешь и посмеяться, и выпить, и у тебя достаточно ума, чтобы понять, что в нынешней ситуации тебе следует быть на моей стороне. Постройтесь – и марш! Жалкое отребье! И пускай все капеллы играют марш, которого много лет не было слышно: 'Король Вшивый, бог на земле!'

Муравьи принесли и положили на спину Змея двух морских свинок и кошку, табак с трубками и множество ромовых флажек и бутылок шампанского. Сомкнув ряды и крича королю «виват», армия двинулась на восток. Сорок капелл затянули торжественный гимн королю, который мы, может быть, когда-нибудь запишем, если немецкое стихосложение достигнет нужных высот, если нам захочется и если Бёлеру не вздумается написать музыку и слова к этому гимну прежде нас.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Было уже пять часов пополудни. Солнце, утомившись смотреть на ни с чем не сравнимые события сегодняшнего дня и собираясь на покой, укуталось в дымку, словно превратившись в куколку насекомого. И великий король тоже уже почти засыпал, лёжа на змеином черепе, не произнося ни слова и отдыхая. Музыка жутковатого гимна засыпала в синих усталых долинах.

– Ну, так что же с выпивкой и закуской? – внезапно нарушил сладкую дремоту короля его ужасный конь.

– Что? Да... Было бы мудрее лечь поспать. Но я должен праздновать этот день до беспамятства, пусть я и выпил уже больше, чем нужно. Давай для начала покинем это место, свидетель моего унижения! Неси меня к границам моего королевства!

– С удовольствием. Почти весь день я провёл без движения. Мне нужна большая прогулка, чтобы потом рассказывать тебе сказки с удовольствием. Я отнесу тебя к морю Замбези, договорились?

– Ты ума лишился? Проехать треть земного шара! И оказаться среди врагов, которые сразу разорвут меня на части?

– Минуту туда, минуту обратно – стоит только захотеть. И какая тебе может грозить опасность от муравьёв, когда ты со мной?

– Правда, но мне всё равно страшно. Какая чудовищная, пусть и привлекательная идея... Кто бы мог на такое решиться?

– Так решайся же! Чудовищное – это стихия того, кто рождён вершить великие дела. По-настоящему великий человек боится только самой мысли о том, что он может испугаться. Ты произнёс отличную речь, да

и дела твои сегодня неплохи, и теперь я и вправду не очень стыжусь того, что служу тебе. Я понял, что даже в цезаре есть что-то от слепого Змея. Не отступай, и, может быть, когда-нибудь ты, как и я, возрадуешься синему псу, бивагинальному слизистому мешку и свинцовому медяку!

– Хорошо, я решил! Я должен вести себя так, как предначертано судьбой. Судьба творит великого человека, как великий человек творит свою судьбу. То, что я наврал народу, чудесно превратилось в истину: старый Вшивый умер и породил, умирая, нового Вшивия – меня! Я отказываюсь от прежнего имени и отныне именую себя иначе: Геодеус! Долой отсюда – и в Отродию! Там ты уляжешься на берегу моря, глядя на город городов и доставая хвостом до огнедышащей горы. Там, где дух муравейства глядит из бездонного синего неба на благоухающую землю, полную волшебных воспоминаний, только там мы найдём достойное место для нашего торжества! Поверни направо и потом всё время прямо!

Не жалеёшь, дорогая читательница, что нам не хочется описывать этого замечательного путешествия в подробностях. Мы не расскажем ни об интересных обстоятельствах в парадоксальной Великой Дуринии, ни о приключении с дерьмом в Вонючии, ни о переходе через огромные горы, разделяющие Великую Дуринию и Отродию, ни о разрушении многих городов на пути слепого Змея. Во всяком случае, это путешествие продолжалось не дольше, чем ты читала этот абзац.

Сообщим так же кратко, что, оказавшись в Отродии, Змей напился из большой лужи – затока Замбези, который омывает там всю страну, а потом уже насытился кошкой и обеими свинками. После этого король и Змей приступили к главной части торжества: рому и шампанскому.

Король наполнил шампанским два золотых кубка и вручил один из них Змею. Они чокнулись, благородный метал зазвенел, и король воскликнул:

– За твоё здоровье, дорогой друг, и за всё возвышенное в твоей душе! Пусть то великое, что томилось в твоей

душе в границах царства метафизической пустоты, найдёт твёрдую почву и глубоко пустит корни, принесёт золотые цветы и тяжелые плоды в настоящем мире. Нет смысла в неземной возвышенности, потому что нет ничего, кроме земли! И звёзды не более, чем тысячекратное отражение земли в зеркале небосвода.

– За твоё здоровье, и за то возвышенное, что странным блеском осеняет твоё земное существование! Вечное сияние звёзд, отражённое в чёрном зеркале сточных вод, лети обратно в небесную юдоль, отделяясь от земной грязи! Земная возвышенность это противоречие *in adjecto*¹, ведь земля и все её сёстры только жалкий осадок небесной возвышенности, *sarut mortuum*²!

Они выпили.

– Эй, это лучше, чем вчерашнее дерьмовое пойло! – воскликнул Змей. – Дай-ка ещё!

– Не раньше, чем через четверть часа! – сказал король, выпивая ещё один бокал. – Иначе ты напьёшься и заснёшь, и придётся мне всю ночь сидеть в Отродии, а это ужасно. К тому же, ты не сможешь рассказать мне свою биографию, а после моего чудесного превращения мне хочется тебя послушать. Не меньше получаса я готов слушать твою историю, но и не дольше. Королю не подобает слушать, как не подобает и слушаться, и больше получаса историй оскорбит моё достоинство!

– Дольше, чем полчаса я и не собираюсь рассказывать, потому что я жду-не-дождусь чудесных симфоний и сказочных видений после выпитого. Дай мне ещё бокал, а то мой рассказ получится слишком скучным.

– Ну хорошо, бери, в честь сегодняшнего дня! – И Змей выпил второй, а король – третий бокал.

Красное солнце замерло, а южный ландшафт тихо веял свежестью. Словно крадущийся призрак, похожая на облако луна вскарабкалась в небо из-за гор на востоке, а на западе загорелась звезда, словно искра из солнца. Запахи утончились, цикады зазвенели громче,

¹ Противоречие по сути (лат.)

² Мёртвая голова (лат.; субстанция в алхимии, остающаяся после сублимации и не имеющая собственной ценности).

победоносно запели лягушки на понтийских болотах. Как превратившийся в камень парадокс, спал первый город земли в пяти муравьиных километрах от змеиного носа, на котором лежал король.

И слепой Змей начал свой рассказ.

* * *

Прошло десять лет. Давно уже растаяли в голубоватом эфире последние звуки Бёлерова пердежа. Во все концы мира разнесли мухи Климу, обратившегося в навоз. Проклятая супруга Бёлера, которая по-прежнему верно служила дьяволу именем Ипсилон, опускалась все ниже и ниже, пока, наконец, не откусила своим детям все пальцы и не сожрала их, благодаря чему, – равно как и сотрудничеству с дьяволом, – окончила свой жизненный путь с посиневшим лицом на виселице. Она продолжает служить Ипсилону, уже в аду, ежедневно облизывает своим синим языком все его тело, покрытое гнилостными язвами, в награду за что ежедневно получает по пятьдесят ударов палкой по синей заднице. Вебер как-то задохнулся, поперхнувшись неукротимым приливом слов; благородный герой, жертва собственной мудрости, которая – как говорил Ницше – если она настоящая, то всегда течет подобно потоку, то есть богато и неустанно! Благословен такой конец! Он умер на вершине самообожания.

Итак – все с грустью прошло, и кристально-голубая тишина вечности вздымалась как бездонная могила над местом, где когда-то буйствовала столь многообещающая жизнь. Из всех лиц, что действовали в этом романе, в живых остались лишь – свинцовый медяк, вернее, я хотел сказать, монетка на память, далее – слепой Змей, также бивагинальный слизистый мешок и наконец самое лучшее – синий пес. Все это время он неустанно появлялся здесь 7 августа, но никто не обращал на него внимания, а уличные ребята показывали ему, Всемогущему, голые задницы. Вот об этих персонажах и пойдет речь в следующих главах этого романа.

Книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» можно приобрести

в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Проект ОГИ» Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2
«Гилея» Нахимовский пр-т, д. 51/21,
«Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Республика» 1-я Тверская-Ямская, д. 10
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28
«Индиго» Невский пр., д. 32-34
ДК им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

По вопросу оптовых продаж обращаться
в ООО «Берроунз», тел. (495) 971-47-92.

Kolonna Publications

**Все книги нашего издательства можно заказать наложенным
платежом в редакции на сайте kolonna.org**

Митин Журнал. Россия, Тверь, улица Л. Базановой, 20.
Подписано в печать 28 марта 2009 года. Тираж 900 экз. Заказ № 155.
Формат 120 x 180/120. Объем 4,5 п. л. Гарнитура CharterITC.
Подготовлено на оборудовании Apple Macintosh
Отпечатано в ООО "Осташковская Типография 172750, Россия, Тверская
обл., г. Осташков, ул. Володарского, 33.